№ 15. Августъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ НЕНАПЕЧАТАННАГО СОЧИНЕНІЯ: ВВЕДЕНІЕ ВЪ ГЕОГРАФІЮ и ИСТОРІЮ.

Сочинитель книги, изъ коей отрывки предлагаются читателямъ Телеграфа, пишетъ къ Издателю слѣдующее: «Прошу васъ помѣстить въ *Московскомъ Телеграфѣ* нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія, которое я готовлю для публики, и которое, вѣроятно, долго еще не будетъ напечатано. Если вы примете въ вашъ Журналъ посылаемые при семъ отрывки, то найдете меня готовымъ доставлять вамъ, по временамъ, и другіе. Они будутъ разнопредметны, хотя возмутся изъ одного и того-же сочиненія: оно такого рода, что требуетъ разнообразія.

«Чтобы показать яснѣе, какимъ образомъ отрывки весьма различнаго содержанія могутъ принадлежать къ одному сочиненію, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ ономъ.

«Его названіе: *Введеніе въ Географію и Исторію;* составъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

«a.) *О допотопномъ, или древнемъ состояніи земнаго шара.* Здѣсь покажется строеніе нашей планеты, ея допотопные перевороты и обитатели.

«b.) *О послѣпотопномъ, или нынѣшнемъ состояніи земнаго шара.* Здѣсь будетъ говорено о математической, физической и чистой (не приложенной къ политическимъ государствамъ) Географіи.

«Все сіе можетъ служить *Введеніемъ собственно въ Геграфію;* слѣдующіе предметы могутъ относиться къ Географіи, и къ самой Исторіи.

«c.) *Экономія природы.* О мірѣ вообще; объ одаренныхъ жизнію существахъ въ особенности; органическая Анатомія и Физіологія вообще, и Антропологія въ особенности; о породахъ человѣческихъ.

«d.) *Распредѣленіе по землѣ органическаго царства.* Географія растеній; Географія животныхъ; Географія человѣка, основанная на породахъ человѣческихъ.

Послѣ сего слѣдуетъ: *Введеніе собственно въ Исторію.*

«e.) *О народонаселеніи.* Здѣсь приняты и изложены, съ нѣкоторыми измѣненіями, начала о народонаселеніи, соч. *Мальтуса.*

«Человѣкъ назначенъ, *по уму его*, для умственнаго просвѣщенія; *по народонаселенію и уму*, для гражданскаго просвѣщенія *(общественности, цивилизаціи); по волѣ*, для нравственности и религіи. И такъ, послѣднимъ предметомъ моего *Введенія* будетъ:

« f.) *Человѣкъ, разсматриваемый со стороны его просвѣщенія, общественности, нравственности и религіи.* Что̀ суть просвѣщеніе, общественность, нравственность и религія; каковы они у дикихъ народовъ; каковы ихъ успѣхи у образованныхъ народовъ; какихъ слѣдствій можно ожидать отъ дальнѣйшихъ ихъ успѣховъ.

« Вотъ, М. Г., краткое очертаніе моего сочиненія. По важности его предмета, и по уваженію къ публикѣ, я стараюсь его обработывать, сколько могу, лучше, и потому не буду спѣшить изданіемъ въ свѣтъ. Но я хотѣлъ-бы представить части онаго публикѣ, чтобы услышать ея замѣчанія, и знать, чего оно ожидать можетъ.

« Вотъ причина, почему я васъ прошу, М. Г., помѣстить и помѣщать отрывки изъ моего *Введенія* въ вашемъ Журналѣ.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ.

(Два рода Исторіи.)

Есть два рода Исторіи: *повѣствовательный* и *догматическій.*

Повѣствовательная Исторія, древними преимущественно употреблявшаяся, изображаетъ происшествія такъ, какъ они случились, въ одной *индивидуальной*, такъ сказать, ихъ жизни, безъ показанія общаго между ими отношенія, или законовъ, по которымъ они произошли. Примѣръ

и образецъ сего способа находимъ у *Баранта*, въ прекрасномъ его сочиненіи: Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois.

Догматическая Исторія не довольствуется простымъ изображеніемъ происшествій, но объясняетъ внутреннюю ихъ связь. Всякое происшествіе есть какъ-бы апологъ, изъ котораго догматическій Историкъ спѣшитъ извлечь моральное правило, въ немъ заключающееся. Собственныя имена почти теряются изъ вида, и даютъ мѣсто всеобщимъ понятіямъ. Но если ходъ всей машины видѣнъ, то непримѣтно дѣйствіе каждой пружины въ особенности; это недостатокъ догматическаго рода.

Исторія повѣствовательная есть какъ-бы ландшафтъ прошедшаго, привлекательный для глазъ, но ограниченный, не простирающійся далѣе предѣловъ обыкновеннаго зрѣнія. Исторію догматическую можно сравнить съ Географическою картою, гдѣ область прошедшаго облинеена точными чертами, но гдѣ все *означено* только, а не *показано*.

Хотя родъ повѣствовательный есть преимущественно *Историческій*, но онъ одинъ для разума неудовлетворителенъ, даже исторически недостаточенъ, потому что бываютъ, какъ справедливо замѣчаетъ Гизо, *нравственныя происшествія*, которымъ не льзя дать имени

и опредѣлишь числа, и которыя однакожь шѣмъ не менѣе дѣйствишельны и важны.

Если родъ повѣствовательный живѣе дѣйствуетъ на чувство, то догмашическій полнѣе удовлешворяетъ разсудку. Первый граничишъ съ Поэзіею, послѣдній съ Философіею. Посему не удивишельно, что догмашическая Исторія способна принимашь форму чисто Философскаго разсужденія (1), шакъ какъ повѣствовашельная форму Эпопеи (2), Драмы (3), романа (4), повѣсти (5).

---

(1) Нѣкоторые уроки *Кузена*. Leçons de philosophie du cours d'été, 1828.

(2) Поэмы *Омира*; Персидская Поэма *Фирдуси* Шагъ Намегъ; Санскришская Поэма: Магâбгâрата, Рâмâйана и другія. Исторія у древнихъ Индовъ не имѣла другой формы, кромѣ Эпической. Ихъ Пурâнасъ (*Исторія древняя*) состоишъ изъ 18-ши большихъ Поэмъ. Вообще Миѳологія есшь, въ нѣкоторомъ смыслѣ, переходъ Исторіи къ Эпической Поэзіи.

(3) Les Barricades, 1828, par *M. L. Vitet*; — Les États de Blois, 1828, par le *même*; — La mort de Henri III, 1829, par le *même*. — Scènes contemporaines, 1828. — Le grand drame en trois actes, par *Legallois*, 1829.

(4) L'Espagne, par *Salvandy*; — Julia Severa, ou l'an quatre cent quatre-vingt-douze, par *Simonde de Sismondi*. — Zillah, Histoire Juive, par *Horace Smith*. — Les Fiancées, histoire milanaise du XVII siècle, par *Manzoni*. — Нѣкоторые романы Вальшера Скошша.

(5) Le captif du Forestel. Nouvelle historique du XIVe siècle, par *Leglay*.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ.

(Историческая эпоха нашего времени).

Ни одинъ вѣкъ не былъ столько Историческимъ, какъ нашъ, и по самымъ происшествіямъ и по духу времени. Если въ нашу эпоху человѣчество дѣлаетъ удивительнѣйшія усилія усовершенствоваться въ обѣихъ частяхъ просвѣщенія, *умственной* и *гражданской*, то съ другой стороны никогда не оказывалось такого стремленія, какъ нынѣ, узнать что̀ сдѣлано, и что̀ дѣлается, или готовится. Передъ нами все превращается въ важное, *положительное*, Историческое, какъ будто предчувствуется уже рѣшеніе главнѣйшихъ задачъ человѣчества.

Прежде Историческія происшествія превращались въ Драму, романъ (*); нынѣ романъ и Драма превращаются въ Исторію; самые, по видимому,

---

(*) Такимъ образомъ, напримѣръ, великія и въ самой вещи удивительныя дѣла Александра Македонскаго дали случай къ сочиненію весьма многихъ *романовъ*, въ древніе и средніе вѣка. Въ сихъ романахъ, между дѣйствительными происшествіями, упоминается о летаніи сего героя по воздуху, въ кожаной сумкѣ, на грифахъ, для обозрѣнія шара земнаго, о путешествіи, изъ любопытства, на дно морское подъ стекляннымъ колоколомъ, о странствованіи по мрачной области для отысканія безсмертной воды, о

легко-предметные роды сочиненій имѣютъ цѣль положительную. Картина происковъ и страстей вымышленныхъ перестаетъ нравиться: начинаетъ занимать картина происковъ и страстей дѣй-

---

встрѣчѣ съ ужасными звѣрями, изъ числа которыхъ одинъ, по имени *Гебдомадаріонъ*, могъ носить на спинѣ слоновъ, о близкой его кончинѣ, предсказанной ему въ Индіи двумя, почти до неба высокими, деревами, изъ которыхъ одно называлось деревомъ солнца, а другое деревомъ луны, и о подобныхъ нелѣпостяхъ. Объ одномъ изъ сихъ правдивыхъ сочиненій, писанномъ Іудеемъ на Еврейскомъ языкѣ, Раввины отозвались, что всѣ слова въ немъ *справедливость и правда*, что *оно изъ числа такихъ, которыя наиболѣе подходятъ къ книгамъ пророковъ*, и что *рука Божія была на немъ, когда Сочинитель писалъ оное*. Большая часть сихъ древнихъ и старинныхъ романовъ, сочиненныхъ на Персидскомъ, Греческомъ, Арабскомъ, Турецкомъ, Армянскомъ, Еврейскомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Испанскомъ и Французскомъ языкахъ, напечатаны; но нѣкоторые хранятся еще въ библіотекахъ рукописями, и ждутъ издателей. Всѣ сіи творенія и разныя ихъ изданія, показаны и разобраны, по случаю напечатанія одного изъ нихъ, въ первый разъ изданнаго въ 1817, въ Миланѣ, славнымъ Филологомъ *Анджело Майо*, подъ названіемъ: Itinerarium Alexandri ad Constantium Augustum Constantini M. filium, въ статьѣ, помѣщенной въ Bibliothèque universelle, de *Pictet*, Littérature, année 1818, Tom VII, неизвѣстнымъ, подписавшимся буквою F.

ствительныхъ. Люди, области, мнѣнія — вотъ чего вездѣ требуютъ.

Нашъ вѣкъ любитъ назидательное; онъ чувствуетъ, что не должно ничему слѣпо вѣрить, какъ ни спокойно это для ума, и какъ ни велика страсть въ человѣкѣ ко всему чудесному. Страсть сія дѣйствительно такъ свойственна намъ, что мы даже не любимъ разочаровываться, что мы какъ будто теряемъ что-нибудь, когда волшебное превращается въ естественное. Изумляться для насъ удовольствіе.

Но это удовольствіе показываетъ какъ-бы нѣкоторое дѣтство ума. Мы начинаемъ стыдиться этого состоянія, невиннаго, беззаботнаго, но ничтожнаго; намъ нужно обширнѣйшее существованіе.

Первый шагъ ума есть *вѣрить*; вторый *повѣрять*. Время повѣрокъ наступило. Отъ того не годятся болѣе ни хрустальный сводъ небесъ въ Астрономіи, ни вихри въ Философіи, ни безголовые народы въ Естественной Исторіи, ни Гесперидскіе сады въ Географіи. Разсудокъ, какъ Тезей, началъ очищать землю отъ чудовищъ.

Началъ, но долго еще не очиститъ. Лѣнь ума, чтобы не сказать, души, безмѣрность природы, краткость жизни, инстинктъ поскорѣе насладиться тѣлеснымъ, чѣмъ душевнымъ, все какъ-бы сговорилось удержать умъ человѣчества еще надолго въ дѣтскихъ пеленахъ.

Но по крайней мѣрѣ начало сдѣлано; машина завелась и пошла. Мы начинаемъ жертвовать истинѣ самыми привлекательными для насъ, укоренившимися заблужденіями. Путешественникъ XIX-го столѣтія, осмотрѣвшій и измѣрившій мѣста Греціи, прославленныя древними Историками и Поэтами, вѣритъ славѣ Ѳемистокловъ и Мильтіадовъ, но не вѣритъ безчисленности арміи Ксерксовой. Можетъ быть, нѣсколько лавровыхъ листковъ завянутъ въ вѣнкахъ, которыми слава старалась украшать счастливое чело нѣкоторыхъ своихъ любимцевъ; но Исторія не должна объ этомъ сѣтовать: если-бы и потеряла она нѣсколько блистательнаго отъ изыскательности нашего времени, то, въ замѣнъ, сдѣлалась-бы проще, ближе къ природѣ, въ которой все происходитъ по законамъ, и ничто сверхъ законовъ. Исторія должна нравиться прежде всего *истиною*.

Отъ чего произошла сія строгость разсудка? Отъ того, что, какъ замѣтилъ краснорѣчивый *Руссо*, жившій въ словесный вѣкъ, *за Словесностью пришли знанія (1)*.

Дѣйствительно: вездѣ обработываніе языка предшествовало обработыванію разсудка; это первая и необходимая степень ума. Казалось-бы,

---

(1) «Les sciences suivirent les lettres.» *J. J. Rousseau.*

что прежде должно выучиться правильно думать, потóмъ уже правильно и красиво говорить, но въ природѣ не такъ: дитя учится сперва говорить, послѣ уже зрѣлымъ образомъ размышляетъ. Вездѣ дневный свѣтъ Литтературы занимался сперва румяною зарею *Словесности*. Стихотворцы, риторы, граммаписты, съ ихъ комментаріями, выправками и безконечными разночтеніями, все это предтечи положительныхъ Наукъ, юный возрастъ Литтературы. Мы не имѣемъ намѣренія унизить достоинство Поэзіи и Краснорѣчія, достоинство высокое и прекрасное, но говоримъ только, что собственно-словесныя произведенія являются въ Литтературѣ народовъ прежде положительно-мыслительныхъ. Это опять не значитъ того, чтобы въ *словесную* эпоху не было учености; напротивъ, ее собирается очень много, особенно къ концу сей эпохи, и ничего нѣтъ естественнѣе этого: когда поэты и ораторы истощили всѣ средства очаровывать людей, и отняли надежду прославиться на ихъ поприщѣ, тогда нѣтъ другой возможности привлечь вниманіе, какъ ученостью. Но пока *словесная* эпоха продолжается, вся *ученость* будетъ обращена только на языкъ; буквы и фразы составляютъ какъ-бы атмосферу, вихрь всего ученаго міра. Вотъ происхожденіе толпы комментаторовъ. Божественныя вдохновенія поэтовъ, краснорѣчивые порывы ораторовъ

превращаются въ *люкубраціи* толковниковъ: метаморфозъ не блистательный, но столько-же естественный, какъ переходъ гусеницы въ бабочку; здѣсь только бабочка превращается въ гусеницу.

Но наконецъ вся эта эпоха проходитъ, и даетъ мѣсто другой, не словесной, а *положительной*. Это время Энциклопедій. Греція имѣла свою Энциклопедію въ сочиненіяхъ *Аристотеля*, такъ же какъ Римъ свою въ сочиненіяхъ *Плинія* Естествоиспытателя. Эпоха положительная даетъ всему другое направленіе. Тогда самая Филологія получаетъ новое значеніе и производитъ Лингвистику. Вмѣсто *Скалигеровъ* появляются *Аделунги*, *Фатеры* (1) и *Бальби* (2). Древніе ораторы и самые поэты послужатъ, можетъ быть, для Статистики. Изъ отрывковъ ихъ какой-нибудь *Бекъ* (3) составитъ Политическую Экономію Аѳинянъ. Онъ не употребитъ всего ума своего на то, чтобы показать только синтаксическія правила, ссылки на авторовъ, разночтенія, удивитъ читателя смѣшанною пестротою Латинскихъ буквъ съ Греческими, но, чтобъ объяснить, какимъ образомъ Аѳиняне, ко-

(1) Mithridates.

(2) Atlas ethnographique du globe, 1826.

(3) *Boeckh*, die Staatshaushaltung der Athener, 2 Theile, Berlin, 1817.

шорые не дѣлали почти никогда завоеваній, могли снаряжать столь многочисленные флоты, содержать сильныя арміи, совершать съ такимъ великолѣпіемъ свои Панаѳенейскія празднества, издерживаться на блистательныя представленія Трагедій *Софокловыхъ* и платить *Фидіасу*, и пр. и пр.

Удивительно, что самая Исторія должна передѣлываться. Прежніе Историки писали такъ, какъ будто главною цѣлью ихъ было не то, чтобъ *показать произведенныя дѣла человѣческія*, а чтобъ *плѣнять воображеніе разсказами, тронуть сердце картиною великихъ пороковъ или великихъ добродѣтелей*, словомъ, дѣйствовать на душу, болѣе обольщая умъ, чѣмъ просвѣщая его; истина происшествій, или лучше сказать, піитическая ихъ достовѣрность, какъ будто служила имъ средствомъ для сей цѣли. Но что изъ этого вышло? То, что съ *Титомъ-Ливіемъ*, напримѣръ, мы имѣли прекрасное сочиненіе, но не имѣли Римской Исторіи. Могли-ль мы имѣть ее послѣ сего съ *Роллленемъ? Нибуръ* доказалъ, что Римская Исторія, почитаемая столь извѣстною, должна снова быть пересмотрѣна, и онъ, съ большою для себя славою, началъ сей подвигъ преобразователя Исторіи (1). Другія Исторіи, какъ и Рим-

(1) *B. G. Niebuhr*, Römische Geschichte. Erste. Ausg. 1811–1812.

ская, передѣлываются, или ждутъ своего *Нибура*.

Чтобъ увидѣть Историческую истину въ настоящихъ ея, а не въ фантасмагорическихъ размѣрахъ, увидѣть ее въ возможной полнотѣ (въ совершенной полнотѣ увидѣть ея не льзя, ибо совершенство, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, есть *идеалъ*, существо міра умственнаго, а не дѣйствительнаго, высокая цѣль, которую разумъ постигаетъ, но достигнуть не можетъ), чтобъ увидѣть, повторяемъ, Историческую истину въ возможной ея полнотѣ, а не съ одной какой-нибудь стороны, по необходимости обманчивой, ибо не полной, для сего нужны, не только проницательный умъ, но и разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, соединенныя въ душѣ, способной чувствовать достоинство человѣка и его ограниченность (*).

Проницательность ума, обширность души, не зависятъ отъ времени, но энциклопедическія свѣдѣнія зависятъ отъ времени и обстоятельствъ. Нынѣшняя эпоха есть сіе время и представляетъ сіи обстоятельства.

Дѣйствительно, нынѣшняя эпоха отличается духомъ разыскательности; все и вездѣ осматри-

---

(*) О семъ достоинствѣ человѣка, и его ограниченности, будетъ въ послѣдствіи особенный *отрывокъ*.

ваютъ и изслѣдываютъ. Не только воскрешаются для Исторіи нѣкоторые Воспорскіе Цари помощію Палеографіи и Нумизматики, но возстановляется геологически допотопное строеніе нашей планеты и природа, довременная человѣку, отличная отъ нынѣшней.

Самымъ вѣрнымъ способомъ для удовлетворенія нынѣшнему изыскательному вѣку служатъ *путешествія*, составляющія одну изъ отличительныхъ чертъ нашей эпохи. Страсть къ открытіямъ, посредствомъ путешествій, усилилась столько-же между правительствами, сколько между частными людьми. Но нигдѣ она не возрасла до такой степени, какъ въ Англіи. Англійскіе путешественники проникаютъ во всѣ края земли. Одинъ *Парри* сдѣлалъ нѣсколько путешествій къ сѣверному полюсу. Гдѣ не встрѣчался уже дикій человѣкъ съ образованнымъ Европейцомъ?

Столько усилій не осталось безъ награды. *Гумбольдтъ* какъ-бы открылъ во второй разъ Америку; Африка перестаетъ быть непроницаемою, Азія таинственною. Все проясняется.

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ.

(Геологическое различіе между органическою и неорганическою природою).

Вещества неорганической природы, шаръ земной составляющія, имѣютъ, между прочимъ, то важное отличіе отъ существъ органической при-

роды, что минералы, во всѣхъ частяхъ земли, подъ всѣми широтами, одинаково сложены, тогда какъ растенія и животныя столь разнообразны подъ разными *равнотеплыми полосами* (bandes isothermes de *Humboldt*). Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ орудныя вещества чрезвычайно различны между собою, камни одинаковы. Не только большая часть однородныхъ веществъ, на пр. кварцъ, гранитъ, амфиболь, слюда, въ обоихъ полушаріяхъ одни и тѣже, но и большія массы горъ составлены изъ однихъ матеріяловъ; гранитъ ихъ, напримѣръ, состоитъ вездѣ изъ слюды, кварца и фельдшпата; микашистъ ихъ, вездѣ изъ слюды, кварца и граната; сіенитъ, вездѣ изъ фельдшпата и амфиболя.

Замѣтимъ однакожъ, что слово: *вездѣ*, здѣсь не значитъ того, чтобъ дѣйствительно *всѣ минералы, на всѣхъ пунктахъ земли, были совершенно одинаковы*; но то значитъ, что они находимы совершенно одинаковыми подъ всѣми климатными линіями, хотя и можетъ случиться, что на различныхъ линіяхъ, или на одной и той-же линіи, встрѣтятся нѣкоторыя, и даже многія, различія. Сіи различія постоянны у животныхъ и растеній: законъ животныхъ и растеній есть разнообразіе ихъ подъ разными атмосферными теплотами. Отступленія отъ сего закона бываютъ, но это исключенія изъ общаго

правила: такъ напр. Англичанинъ въ Великобританіи, и Англичанинъ подъ сѣвернымъ полюсомъ, или во внутренности Африки суть случайность, какъ и пересаженное растеніе изъ подъ тропиковой почвы на землю сѣверно-крайной оранжереи. Напротивъ того, общій законъ минераловъ есть тождество оныхъ подъ всѣми широтами; исключенія могутъ быть здѣсь, но не по причинѣ сихъ широтъ.

И такъ предположить должно, что минеральныя вещества произошли независимо отъ климатовъ; можно даже предположить, что они произошли до образованія климатовъ.

Ястребцовъ.

БѢДНЫЙ ДИКЪ,

или

НЕКОНЧЕННАЯ РУКОПИСЬ.

(Повѣсть.)

« Умный человѣкъ никогда не сдѣлаетъ тѣхъ двухъ глупостей, изъ которыхъ въ одной я готовъ принести повинную, » сказалъ Полковникъ Пальмеръ, выбивая о конецъ своего башмака пепелъ изъ трубки.

— Какая-же эта *одна?*—спросилъ Баронъ Брокгаузъ, курившій вмѣстѣ съ Полковникомъ.

« Какая? Продать наслѣдственное имѣніе и переселиться на чужую сторону, оставивъ свое отечество. Знаю, что родственники, которыхъ оставляемъ, не всегда стоятъ друзей, но знаю также и то, что новые друзья не всегда стоятъ родственниковъ. »

— Правда—сказалъ Баронъ.—Ну, а другая глупость?

« Другая: жениться не въ молодыхъ лѣтахъ. Опасеніе, оставить послѣ себя дѣтей непристроенныхъ, мѣшаетъ пищеваренію. »

— Полковникъ! вѣдь сего дня день вашего рожденія?

« Именно. »

— И вы, кажется, ждете къ себѣ на обѣдъ много гостей, потому что я замѣтилъ столъ, больше нежели на тридцать приборовъ. Правда?

« Точно такъ. »

— Ну, любезный сосѣдъ, такъ я нашелъ средство, чтобы сегодняшній вечеръ пищевареніе у васъ было хорошо.

Полковникъ вынулъ трубку изо рта и пристально поглядѣлъ на Барона. Баронъ сказалъ ему: — Вашей Вильгельминѣ шестнадцать или семнадцать лѣтъ. Правда? — « Правда.»—Это прелестнѣйшая дѣвушка въ резиденціи. — « Говорятъ. » — А сынъ мой самый красивый малый въ здѣшней сторонѣ.—Полковникъ не отвѣчалъ ничего. - Женимте-ка ихъ, сосѣдъ — примолвилъ Баронъ — потому что они точно какъ другъ для друга родились. Не правда-ли?

На этотъ разъ слово: правда, не вылетѣло изъ устъ Полковника. Не говоря ни слова, онъ раскурилъ свою трубку, и, пустивъ на воздухъ нѣсколько глотковъ дыму, сказалъ: « Сосѣдъ! если Минна будетъ согласна, то это дѣло конченое.» Онъ позвонилъ.

Явился Дикъ, мальчикъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, прелестный какъ Амуръ, но который не имѣлъ ни шалостливаго вида, ни злаго взгляда Греческаго божка.

« Бутылку рому и стаканы! » сказалъ Полковникъ. « Надобно покупиться съ сосѣдомъ. »

Дикъ поправилъ подушку, на которой покоилась больная нога Полковника, и пошелъ за ромомъ. Онъ налилъ стаканъ Барону, но едва капнулъ въ стаканъ Полковника. Пальмеръ нахмурилъ брови и приказалъ Дику оставить бутылку на столѣ, но тотъ какъ будто не слыхалъ его словъ, и унесъ бутылку.

— Вотъ— сказалъ Баронъ Брокгаузъ—вотъ мальчишка, котораго, если-бы онъ былъ мой, я тотчасъ выгналъ-бы изъ дому. Это будетъ большой негодяй! Не правда-ли? — «Кажется не правда,» отвѣчалъ Полковникъ, «потому что онъ добръ и скроменъ какъ не льзя больше.» — Да и не послушливъ тоже.

«Отецъ его служилъ мнѣ и былъ со мною въ походахъ. Въ сраженіяхъ онъ всегда находился подлѣ меня. Подъ Мюльгаузеномъ, отъ жестокой раны, я потерялъ много крови, лишился чувствъ и упалъ. При тысячѣ смертей, онъ выпащилъ меня изъ подъ ногъ лошадиныхъ, взвалилъ къ себѣ на плеча, пронесъ черезъ весь эскадронъ, и въ сторонѣ, на полѣ сраженія, перевязалъ мнѣ рану. Когда я опамятовался, онъ поддерживалъ одною рукою мою голову, а другою вливалъ мнѣ въ горло воду изъ манерки. Вдругъ пуля поразила его на смерть. Онъ успѣлъ сказать мнѣ только: Не оставьте моего бѣднаго сына! Теперь, прибавилъ Полковникъ, прошу выгнать этого мальчика.» Онъ отворотился, чтобы укрыться

отъ взора Баронова, и утеръ слезу рукавомъ своего мундира.

Молодыя дѣвушки не ѣздятъ, вмѣстѣ съ своими маменьками, на праздники: такъ велитъ обычай; потому-то Вильгельмина, въ кругу зрѣлыхъ дѣвъ и женъ, обѣдавшихъ у отца ея на праздникѣ его рожденія, казалась юною розою, среди мака и ноготковъ.

Вильгельмина не ѣла, а пособляла своему отцу угощать застольныхъ собесѣдниковъ, съ особенною пріятностью и развязностью. За десертомъ она взяла какой-то фруктъ, и съ такою осторожностью снимала съ него кожу, поднявъ свой мизинчикъ къ верху, что ножикъ выпалъ у нея изъ рукъ и покатился подъ столъ. Дикъ, который во время обѣда всегда находился за стуломъ Вильгельмины, бросился подъ столъ такъ поспѣшно, что столкнувшись съ огромными фижмами одной Каноницы, онъ заставилъ ее сдѣлать на креслахъ четверть круга.

Подъ столомъ Дикъ увидѣлъ ножъ, но лицо пламеннаго мальчика было столь близко къ прелестной ножкѣ Вильгельмины, что онъ схватилъ ее и поцѣловалъ два или три раза съ горячностью. Дикъ не видѣлъ въ этомъ ничего худаго. Выползши изъ подъ стола, онъ положилъ ножикъ подлѣ Вильгельмины, но не остался уже на прежнемъ мѣстѣ, а обошелъ вокругъ гостей и

сталъ напрошивъ дочери Полковника, желая насладишься дѣйствіемъ своей учшивосши.

Лицо Вильгельмины горѣло огнемъ спыдливосши и смущенія; глаза ея были усшремлены на шарелку. Наконецъ она взглянула на Дика, и взглядъ ея показалъ, чшо она жесшоко оскорблена его дерзосшью. Дикъ поблѣднѣлъ: слезы покашились изъ неподвижныхъ его глазъ. Вильгельмина замѣшила эшо, и, желая ушѣшишь его, подняла сшаканъ и сдѣлала знакъ, чшо она прибуешъ пишь воды. Онъ подошелъ къ ней, но весь дрожалъ, и наливая въ сшаканъ воду, облилъ несчасшную Канонницу. «Эшошъ глупецъ рѣшился досаждашь мнѣ,» сказала сія послѣдняя.

Такія нѣжныя слова не могли ободришь бѣднаго Дика. Вильгельминѣ шакже было непріяшно, чшо она навлекла на него вѣжливосшь Канонницы.

Однакожъ, за десершомъ, когда рейнвейнъ развязалъ языкъ у нѣкошорыхъ изъ госшей, говорили много и порядочно. Одинъ изъ собесѣдниковъ, сидѣвшій напрошивъ большой, закоппившейся каршины, спросилъ у Полковника, чшо изображаешъ она? «Право не знаю,» ошвѣчалъ Пальмеръ. «Я купилъ ее вмѣсшѣ съ эшою шюрьмою, и осшавляю висѣшь, не забошясь о ней.»

На каршинѣ предсшавлена была древняя колесница, везомая быками; на колесницѣ, подлѣ молодаго человѣка, молодая женщина, закрывающая лицо свое покрываломъ; далѣе, сшарикъ, съ без-

покойнымъ видомъ остановившій быковъ и какъ-бы ожидающій отвѣта. Вблизи виднѣнъ алтарь.

Вопросъ собесѣдника сдѣлалъ то, что всѣ обратили глаза на картину. Самый разумный изъ этого сборища сказалъ: «Это приключеніе Клеовиса и Виттона.— «Нѣтъ, Г-нъ Судья!» сказалъ въ свою очередь Баронъ Брокгаузъ. «Это Іаковъ, оставляющій Лавана, въ то время какъ онъ увозитъ Рахиль въ Месопотамію. Не правда-ли?» — Батюшка! — сказалъ нареченный женихъ Вильгельмины.— Вы ошибаетесь: это сошествіе Энея въ адъ. Старикъ этотъ Анхизъ, а эта женщина Дидона.»

При сихъ словахъ, бѣдный Дикъ, закрывъ лицо свое тарелкою, которую онъ до тѣхъ поръ держалъ подъ мышкой, захохоталъ во все горло: взоры всѣхъ, оставивъ картину, обратились на него. Смѣхъ слуги въ присутствіи господъ почитается дѣломъ самымъ неприличнымъ; въ Германіи это уголовное преступленіе; но Полковникъ не такъ принялъ поступокъ своего воспитанника.—Чему смѣешься ты, шалунъ?—сказалъ онъ ему. — Развѣ эти господа промахнулись? — Дикъ, вмѣсто отвѣта, скромно потупилъ глаза, и, устыдясь, что привлекъ на себя взоры всѣхъ, покраснѣлъ. Женщины простили невѣжливость хорошенькаго мальчика, взглянувъ на него; но съ мужчинами, задѣтыми имъ, дѣло шло иначе. Подражая Французскому пустословію, съ при-

правою Нѣмецкой пріятности, сынъ Барона сказалъ, обращаясь къ Дику : « Если этотъ господинъ будетъ такъ милостивъ, что поправитъ наши ошибки, то общество останется ему за то чрезвычайно обязаннымъ. »

Этою насмѣшкою суженый не оправдался въ мнѣніи Пальмера, который, взглянувъ въ сторону и закрутивъ свои усы, приказалъ Дику говорить. Настало глубокое молчаніе.

— Улиссъ — сказалъ бѣдный Дикъ глядя внизъ и прерывающимся голосомъ, но еще такъ громко, что всѣ могли слышать его—Улиссъ женился въ Лакедемонѣ на Пенелопѣ, дочери Икарія. Икарій, не имѣя силъ разстаться съ своею дочерью, просилъ Улисса не выѣзжать изъ Спарты ; но тотъ не согласился на это. Когда Улиссъ уѣхалъ со своею женою, Икарій настигаетъ ихъ, видитъ свою дочь и снова заклинаетъ Улисса возвратиться къ нему. Улиссъ предоставилъ женѣ своей на выборъ : возвратиться къ отцу, или слѣдовать за нимъ въ Итаку. Пенелопа не отвѣчаетъ ничего, но, потупивъ глаза, закрывается своимъ покрываломъ. Икарій не упорствовалъ болѣе, отпустилъ ее и велѣлъ воздвигнуть на этомъ мѣстѣ алтарь Стыдливости. Вотъ предметъ картины.

Всѣ женщины, кромѣ Вильгельмины и Капитанши, захлопали въ ладоши. Мужчины, наговорившіе вздору, кусали себѣ губы, а не сказавшіе

ничего потребовали себѣ пить. Полковникъ выпилъ также послѣдній стаканъ вина, и ушелъ себѣ роиъ, больше для того, чтобы въ свою очередь не захохотать подъ носъ будущему зятю. Онъ всталъ, такъ скоро, какъ только позволяла ему подагра, и ударивъ въ полъ своею палкою, вышелъ въ гостиную, опираясь на руку Дика, которую онъ покачалъ нѣсколько разъ дружески и пожалъ крѣпче обыкновеннаго.

Случается, и чаще нежели думаютъ, что желая повредить своему врагу, дѣлаютъ ему пользу.

Полковникъ Пальмеръ жилъ въ красивой деревушкѣ, на одну милю разстоянія отъ города Вемдингена. Онъ любилъ просторъ; большое общество было ему въ тягость, и потому, находясь столь близко отъ города, онъ принималъ къ себѣ гостей тогда только, когда это было необходимо. Но онъ близко къ себѣ держалъ одного человѣка рѣдкихъ качествъ, и умѣвъ цѣнить его добродѣтели, только угадывалъ всѣ его достоинства, потому что судить о нихъ онъ не могъ. Человѣкъ этотъ былъ служитель алтаря въ Пальмеровой деревушкѣ, Пасторъ Гуттенбергъ.

Неутомимый въ ученьи и въ размышленіи, шестидесяти-лѣтній Гуттенбергъ, послѣ заботъ и попеченій о своемъ духовномъ стадѣ, трудил-

ся, въ сельской тишинѣ, надъ сочиненіемъ тѣхъ писаній, которыя на сѣверѣ Германіи приготовляли вѣкъ Канговъ, Галлеровъ и Якоби.

Пасторъ любилъ Полковника, потому что тотъ страдалъ отъ болѣзни, былъ добръ, простъ и дѣлалъ крестьянъ своихъ счастливыми. Каждый вечеръ Пасторъ жертвовалъ ему часомъ досуга, для игры въ шахматы, причемъ старался всегда проигрывать, ибо Пальмеръ былъ плохой игрокъ и притомъ нетерпѣливый, а это растравляло его подагру.

Гутенбергъ посвящалъ также по нѣскольку минутъ юному другу своему Дику, который, съ семилѣтняго возраста, постоянно каждое утро, приходилъ къ нему учиться и заниматься въ его присутствіи. Прилежность и ранняя понятливость этого мальчика столько привязали къ нему Пастора, что онъ особенно заботился о немъ и предполагалъ передать ему свой приходъ, какъ скоро лѣта позволятъ Дику проповѣдывать и объяснять Св. Писаніе.

Не желая огорчить своего стараго друга, Гуттенбергъ согласился быть у него за обѣдомъ, о которомъ шла рѣчь; но, хорошо зная, что бѣдный проповѣдникъ Евангелія не годится въ общество людей чиновныхъ, за столомъ онъ сѣлъ на послѣднемъ мѣстѣ и во весь обѣдъ не сказалъ ни одного слова.

Неприличный поступокъ молодаго друга огор-

чилъ его, но еще болѣе онъ былъ оскорбленъ безстыдствомъ, съ какимъ привязался къ нему сынъ Барона Брокгауза, нелюбимый имъ. За то, изъясненіе картины, сдѣланное Дикомъ, ушѣшило добраго Пастора.

Не болѣе какъ за недѣлю до этого происшествія, Баронъ, зная дружбу и уваженіе Полковника къ Гуттенбергу, приходилъ просить Пастора, чтобы онъ склонилъ Пальмера на союзъ Вильгельмины съ его сыномъ. Не приступая къ дѣлу, Гуттенбергъ рѣшился собрать нужныя свѣдѣнія: онъ узналъ, что молодой Брокгаузъ человѣкъ дурнаго поведенія и много долженъ. Пасторъ не хотѣлъ разстроивать его съ Полковникомъ, но отказался отъ ходатайства за него. Желая внутренно, чтобы преднамѣренный союзъ не состоялся, онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ-бы, что молодой Брокгаузъ не имѣетъ входа въ домъ Полковника, и происшествіе, которое мы сей часъ опишемъ, можетъ спаться, было слѣдствіемъ сего расположенія добраго Пастора къ Баронову сыну.

Когда общество перешло изъ залы въ гостиную, дамы продолжали тихонько говорить между собою о хорошенькомъ личикѣ молодаго пажа (такъ они стали называть его, потому что онъ былъ очень красивъ и не походилъ на слугу); мужчины говорили о Пальмеровомъ незнаніи приличій и особенно объ этомъ маленькомъ негодяѣ,

имѣвшемъ дерзость посмѣяться надъ ними. Укоризнамъ не было конца; Гутшенбергъ слушалъ ихъ со сжатымъ сердцемъ.

Судья, желая поддержать честь своего званія, не хотѣлъ отстать отъ другихъ въ учености, и довелъ разговоръ до ученыхъ предметовъ. По ниткѣ до иголки, наконецъ говорили о превосходствѣ Нѣмецкаго языка надъ всѣми живыми и мертвыми языками.

Часто мы оспориваемъ чье-либо мнѣніе потому единственно, что противникъ нашъ говорилъ прежде насъ: иначе, мы поддерживали-бы его мнѣніе. Сынъ Барона вздумалъ сказать Судьѣ, что онъ отдаетъ преимущество языку Латинскому. «Почему такъ?» спросилъ Судья.—Потому что Латинскій языкъ опредѣленнѣе. — «А на какихъ Авторахъ вы утверждаетесь?« — На Персіи и Тацитѣ.

Какимъ образомъ заговорилъ сынъ Г-на Барона о Персіи и Тацитѣ? Не знаю! но только эти имена сорвались у него съ языка безъ заминки. «Докажите!» вскричалъ Судья. «Приведите какія нибудь мѣста изъ этихъ Авторовъ, и мы посмотримъ.» — Докажите, приведите: легко сказать! Теперь у меня въ головѣ нѣтъ ни одного слова этихъ людей. — Тутъ онъ прибавилъ, съ насмѣшливымъ видомъ: — Вотъ, еслибы здѣсь былъ Г-нъ Дикъ, то онъ, можетъ быть, разбилъ-бы въ пухъ васъ, Г-нъ Судья! — «Очень

можетъ быть, сударь!» сказалъ Гуттенбергъ. Это были первыя слова, произнесенныя имъ во весь вечеръ. Услышавъ его, Полковникъ испугался, не слишкомъ-ли далеко зашелъ Паспоръ. Но взглядъ Гуттенберга успокоилъ его, и онъ велѣлъ позвать Дика.

«Господинъ Дикъ!» сказалъ сынъ Барона: «съ такимъ сильнымъ союзникомъ какъ вы, можно быть увѣрену въ побѣдѣ.» — Безъ комплиментовъ, сударь! — примолвилъ Полковникъ сухо. — «Г-нъ Дикъ! я утверждаю, что Латинскій языкъ опредѣленнѣе Нѣмецкаго. Какъ вы думаете объ этомъ?» — Я согласенъ съ вами, сударь. — «Такъ пособите-же, пожалуста, мнѣ, и приведите, вотъ этому господину, примѣръ опредѣленности Латинскаго языка.»

Дикъ тотчасъ привелъ въ примѣръ нѣсколько словъ изъ Тацита, которыхъ не льзя было иначе выразить по-Нѣмецки, какъ перифразою; изъясненіе его было столько-же ясно, сколько кратко. Гуттенбергъ улыбнулся, женщины на этотъ разъ не рукоплескали, а мужчины поникли головами.

«Поди сюда, бѣдное дитя мое,» сказалъ Полковникъ, и, взявъ Дика за руки, поцѣловалъ въ лобъ нѣсколько разъ. «Я не что иное, какъ глупецъ,» прибавилъ онъ: «но и много-ли надобно ума, для того, чтобы съѣдать тридцати-тысячный доходъ и подставлять голову, ведя полкъ

на убійство (*)? Однакожъ, я еще не такая животина, чтобы не могъ понимать цѣны образованности: я очень знаю, что простолюдинъ-орелъ гораздо драгоцѣннѣе благороднаго глупца. Вотъ почему, мой милый Дикъ, и также потому, что твой бѣдный отецъ пожертвовалъ своею жизнью для сохраненія моей, я хочу, чтобы впередъ ты не служилъ, а сидѣлъ за моимъ столомъ, вмѣстѣ со мною. Пусть кушаетъ съ нами тотъ, кому будетъ угодно: я усыновляю тебя.»

Дикъ бросился на колѣна передъ Пальмеромъ, который поднялъ его, взялъ въ другой разъ за голову, и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ. Благородное дворянство пожимало плечами. Вильгельмина, закрывъ глаза платкомъ, убѣжала въ свою комнату, чтобы скрыть отъ другихъ свою чувствительность.

Пальмеръ былъ человѣкъ не своего вѣка, не своей страны; Гуттенбергъ преобразилъ его. Пальмеръ не зналъ ничего и не умѣлъ выражаться; но онъ былъ добръ, прямодушенъ, и когда Гуттенбергъ говорилъ, когда Гуттенбергъ, становясь на его точку ума, раскрывалъ передъ нимъ

(*) Всякій читатель пойметъ, что слова Полковника есть не иное что какъ вздоръ, который онъ говоритъ въ минуту запальчивости. *Прим. Перев.*

плоды своихъ размышленій о Богѣ, о природѣ и людяхъ, Полковникъ въ тишинѣ понималъ его и слушалъ не даромъ. Гуттенбергъ казался ему существомъ сверхъестественнымъ. Онъ былъ чрезвычайно огорченъ, что никто изъ собесѣдниковъ не удостоилъ своимъ разговоромъ человѣка столь превосходнаго. Это презрѣніе открыло ему всю мѣру пожертвованія, какое сдѣлалъ Пасторъ, согласившись быть у него на обѣдѣ, въ день его рожденія. Униженіе друга принялъ онъ лично на свой счетъ, и досада его не мало способствовала къ тому, что онъ высказалъ въ пользу безвѣстнаго достоинства, пропивъ благороднаго невѣжества.

Мрачное молчаніе послѣдовало за споромъ о превосходствѣ языковъ. Собесѣдники и хозяинъ были въ большомъ принужденіи; гости стали разъѣзжаться ранѣе обыкновеннаго, подъ предлогомъ дальняго пути до города. Обычныхъ поклоновъ не забыли. Баронъ Брокгаузъ, намѣревавшійся пріѣхать къ Полковнику на другой день, кланялся ниже другихъ. Онъ думалъ, что есть такіе браки, которые надобно оканчивать поскорѣе—и не обманывался.

Неучтиво привѣтствованный знатною дѣвицею, расхваленный всѣми другими дамами, осмѣянный сыномъ Барона, усыновленный Полковникомъ,

упоительный взглядомъ Вильгельмины, бѣдный Дикъ—но довольно! Этотъ день былъ для бѣднаго Дика днемъ столь бурнымъ, что среди волненія, онъ, чьи дни доселѣ проходили въ сладостномъ однообразіи, не могъ дать себѣ отчета въ различныхъ чувствованіяхъ, вдругъ возмутившихъ его душу. Но когда благородные разъѣхались, когда въ домѣ начала опять водворяться тишина, Дикъ ушелъ въ свою каморку, сѣлъ на край своей постели, и, вмѣсто сна, сталъ размышлять, въ первый разъ въ своей жизни.

Одна мысль поглощала у него всѣ другія. «Чѣмъ заслужилъ я гнѣвный взглядъ Вильгельмины?» думалъ онъ, и оставался какъ окаменѣлый. Вдругъ всѣ мысли его смѣшиваются: онъ чувствуетъ свою ошибку, чувствуетъ ее еще не ясно, но не знаю что-то говоритъ ему, что онъ поступилъ дурно, и румянецъ замѣшательства является на его лицѣ. Это стыдливость: это уже не невинность.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, обычай требовалъ, чтобы за званымъ обѣдомъ, въ большомъ нарядѣ, плеча и грудь у женщинъ были полуоткрыты. Дикъ, стоявшій за стуломъ молодой своей госпожи, въ первый разъ видѣлъ, какъ сладостно волновалась грудь Вильгельмины. Одинъ взглядъ лишилъ его разсудка, и поцѣлуи въ маленькую ножку Вильгельмины были слѣдствіемъ сего упоенія. Дикъ далъ себѣ

опчетъ въ этомъ, и ужасается, измѣривъ разстояніе, раздѣляющее его отъ Вильгельмины: яркій румянецъ снова покрываетъ его лицо.

Онъ встаетъ съ постели и ходитъ по комнатѣ какъ безумный. У него погасла свѣча, но онъ не замѣчаетъ этого. Онъ ищетъ въ своей памяти, старается вспомнить, что происходило между имъ и Вильгельминою съ самаго нѣжнаго его дѣтства, и припоминаетъ, какъ иногда она любила его, какъ ласкала. Она почти тремя годами старѣе его; она поддерживала первые шаги его; она назвала его *Дикомъ*, и онъ не хотѣлъ другаго имени. Она говорила, цѣлуя его, въ то время когда онъ лишился отца: «Не плачь, бѣдный Дикъ: я всегда буду твоею сестрою.»

Окно въ его каморкѣ оставалось открыто; свѣжій воздухъ становился чувствительенъ; начинался день. Вильгельмина писывала нѣкогда къ нему. Восемь или девять лѣтъ не вспоминалъ онъ о ея письмахъ. Онъ видитъ маленькій ящичекъ изъ чернаго дерева, гдѣ хранились письма, и схватываетъ его. Всѣ письма были написаны заглавными буквами.

Въ одномъ онъ прочиталъ:

Нынѣшнимъ утромъ Дикъ худо сказалъ свой урокъ; за то не приходитъ ему сего дня вечеромъ на ферму ѣсть молоко.»

Въ другомъ:

«Дикъ изломалъ лапку у чижика: онъ шалунъ, я не люблю его болѣе.»

И, какъ будто Вильгельмина помнила еще о чижикѣ, какъ будто она болѣе не любила Дика, онъ разливался въ слезахъ.

Было начало осени. Каждое утро, какъ скоро въ комнатѣ Вильгельмины отворялись ставни, Дикъ приносилъ ей вазу со свѣжими цвѣтами. И нынѣче, какъ обыкновенно, онъ сошелъ въ садъ и наполнилъ вазу цвѣтами; но когда надобно было войдти къ Вильгельминѣ и отворить дверь ея комнаты, у него не было смѣлости: вчерашній взглядъ ея лишилъ его всѣхъ силъ.

Онъ воротился въ садъ, подошелъ къ комнатѣ Вильгельмины, поставилъ вазу на край окна, и, скрывшись въ бесѣдку, гдѣ Вильгельмина легко могла увидѣть его, сталъ на колѣни, сложилъ руки, и умоляющимъ видомъ просилъ у нея прощенія. Увидѣвъ его, Вильгельмина отворила окно, и приставивъ одну руку къ глазамъ, чтобы онъ не видалъ ея слезъ, другою начала махать платкомъ, давая знать ему, чтобы онъ тутъ не оставался и ушелъ.

Обыкновенно Вильгельмина отворяла занавѣсъ кровати своего отца и получала утренній поцѣлуй его. Наканунѣ, Пальмеръ выпилъ лишнее и

провелъ ночь безпокойно. Сказавъ своей дочери, что онъ останется все утро въ постели, Пальмеръ попросилъ себѣ чаю. Вильгельмина не позвала слугу колокольчикомъ, но вышла и ласково сказала Дику, чтобы онъ принесъ чаю.

Дикъ тотчасъ возвратился, исполнивъ ея приказаніе. Когда онъ положилъ сахару въ чашку, и сталъ мѣшать чай, чтобы прохолодить его нѣсколько, Полковникъ сказалъ своей дочери: «Знаешь-ли, Вильгельмина: ты Баронша!» — Какъ, батюшка? — «Г-нъ Брокгаузъ предлагаетъ тебѣ руку своего сына.» Чашка и съ ложечкой выпала изъ рукъ Дика и разбилась о полъ. «Тьфу, чортъ возьми!» вскричалъ Полковникъ. «Что съ нимъ сдѣлалось со вчерашняго дня? Онъ спалкиваетъ съ мѣста Каноницу, смѣется въ глаза гостямъ, разбиваетъ мою Японскую чашку: я не узнаю его.» Дикъ все-бы еще оставался въ томъ-же положеніи, не говоря ничего, не двигаясь съ мѣста, если-бы Вильгельмина не сказала ему, чтобы онъ пошелъ и принесъ другую чашку.

Вильгельмина, желая сказать свой отвѣтъ при Дикѣ, спрашивала своего отца о Баронѣ и его сынѣ, и не отвѣчала прямо до тѣхъ поръ, пока Дикъ не возвратился. Онъ пришелъ, но трепетъ его угрожалъ новой чашкѣ новымъ бѣдствіемъ, и потому Вильгельмина, взявъ у него изъ рукъ чашку, приготовила чай, и, поднося его къ Полковнику,

сказала: «Батюшка! вы можете отвѣчать Г-ну Барону, что я никогда не буду женою его сына.»

При этихъ словахъ, Дикъ, который наклонясь подбиралъ съ полу черепки фарфора, и думалъ что его не видятъ, ибо онъ былъ у изголовья Пальмеровой постели, а Вильгельмина стояла къ нему спиною, бѣдный Дикъ возвелъ къ небу радостные взоры, и, продолжая подбирать черепки, прижалъ свои губы къ платью Вильгельмины. Но она прилежно глядѣла въ зеркало, отражавшее всѣ его движенія, потому что хотѣла знать, какое дѣйствіе произведетъ отказъ ея на Дика. Въ это время сердце ея совершенно понимало его сердце, и она доказала это ясно.

Оба они оставались въ комнатѣ Полковника, для того, чтобы ему не было скучно. У Вильгельмины былъ съ собою моткъ шелку, который надобно было перемотать на бумагу: она сдѣлала знакъ Дику, чтобы онъ сталъ передъ нею на колѣни и держалъ на рукахъ шелкъ, покуда она будетъ разматывать оный. Сердце Дика билось отъ радости. Онъ смотрѣлъ на Вильгельмину съ удивленіемъ, съ нѣжностью. Но какъ только она увидѣла Дика передъ собою на колѣняхъ, то, даже въ присутствіи отца, ей стало совѣстно. Чувствуя свою ошибку, она сама не знала что дѣлала, спутывала шелкъ, и болѣе и болѣе краснѣла, когда стараясь распутать оный, прикаса-

лась своими руками къ рукамъ Дика, или когда Дикъ прикасался къ ея рукамъ.

Нечаянный случай вывелъ ее изъ этого жестокаго замѣшательства, но онъ умножилъ и ея мученіе. Баронъ Брокгаузъ и сынъ его, не нашедши никого въ переднихъ комнатахъ, вошли къ Полковнику безъ доклада и сдѣлались свидѣтелями дружеской сцены. Сынъ Барона нахмурилъ брови. Дикъ тотчасъ всталъ, а Вильгельмина, зная зачѣмъ пришли эти гости, ушла къ себѣ, съ потупленными глазами и съ горестью въ душѣ.

Пальмеръ былъ человѣкъ достойный уваженія; но онъ проспиралъ свою армейскую откровенность до грубости. Не дожидаясь, чтобы Бароны окончили обычныя привѣтствія, онъ объявилъ имъ, что дочь его, не желая разлучиться съ нимъ, отказывается отъ предлагаемой ей чести быть женою Баронскаго сына.

Какъ прелестна Вильгельмина! Какъ хороши ея бѣлокурые волосы, какъ плѣнительны ея голубые глаза, какъ роскошна ея грудь, и какъ строенъ станъ ея и при небольшомъ ростѣ! Когда она идетъ, въ движеніяхъ ея есть какая-то безпечность, какая-то нѣга, невыразимыя словами. Но цвѣтъ лица ея больше блѣденъ, нежели ослѣпителенъ бѣлизною. Какая-то тѣнь грусти раждается въ душѣ, когда глядишь на нее; не умѣя дать себѣ отчета въ этомъ чувствѣ, тотъ,

кто видитъ ее въ первый разъ, не можетъ не желать ей счастія, какъ будто спрашась, что счастіе не дано ей въ удѣлъ.

Оставивъ комнату отца, она ушла въ свою комнату, заперла ее ключемъ, задернула занавѣсы окна, бывшаго въ садъ, и начала рыдать. Наконецъ она знала состояніе сердца своего, и судя себя строго, въ одну минуту возобновила въ памяти своей всю мѣру своего заблужденія. «Для чего, показавши ему негодованіе своимъ взглядомъ, я старалась послѣ ободрить его? Для чего отказалась я отъ руки сына Барона Брокгауза? Неужели для того, чтобы не разлучаться съ моимъ папенькой, чего я не побоялась сказать ему? Для чего объявлять о своемъ отказѣ не иначе какъ въ присутствіи... стараться увидѣть, какое впечатлѣніе это произведетъ на него, простить ему новую дерзость, и не только не наказать его за нее, но привлечь къ своимъ ногамъ?... О маменька! милая маменька!» громко сказала Вильгельмина, упавъ на колѣни передъ портретомъ своей матери. «Сжалься надъ своею несчастною дочерью! Не оставляй ея!»

Доселѣ Вильгельмина имѣла темное понятіе о своей матери. Черты лица родительницы были знакомы ей только по изображенію, которое она сохраняла въ своей комнатѣ, а добродѣтели только по разсказамъ старой надзирательницы Бригитты. Отецъ никогда не говорилъ съ Вильгель-

миною о ея матери. Онъ старался даже не входить въ комнату своей дочери, чтобы не раскрыть ранъ при видѣ драгоцѣнныхъ чертъ той женщины, которая, бывши гораздо моложе его, своею кротостью, попеченіями и дружбою самою нѣжною, осчастливила четыре года его жизни тихой, совершенно благополучной.

Вся нѣжность, какую онъ чувствовалъ къ женѣ, обращена была, послѣ нея, на милое дитя его. Вильгельмина рѣдко думала о своей матери, потому что не знала ея. Счастливая любовью отца и своею преданностью къ нему, довольная своими заботами о хозяйствѣ, своими книгами, своими цвѣтами и музыкою, она провождала жизнь, мирную какъ тихое утро, подобную свѣтлому ручью, протекающему безъ журчанія по отлогому скату и по серебряному песку. Вдругъ сердечная буря возмутила тихое существованіе ея. Будучи одна, безъ подпоры, въ первый разъ почувствовала она все, что теряетъ дочь, лишаясь матери; она прибѣгла къ изображенію ея, какъ къ единственной защитѣ своей.

Долго молилась она на колѣняхъ, опершись на кресла. Разсудокъ ея былъ спокойнѣе, когда она встала, но тѣло страдало, расположеніе духа было самое дурное. Вильгельмина велѣла сказать, что чувствуя усталость отъ вчерашняго дня и желая успокоиться, она не пойдетъ къ столу.

Она въ самомъ дѣлѣ легла, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ ея.

Рѣшившись подавишь чувства, устрашавшія ее своею живостью и разрушить навсегда отношенія свои съ Дикомъ, она придумывала, какъ ей исполнить свое намѣреніе. Всѣ средства казались ей годными, и если-бы сынъ Барона, къ которому она чувствовала тайное отвращеніе, подождалъ до сей минуты со своимъ предложеніемъ, она тотчасъ отдала-бы ему свою руку.

Сколько печальна была ночь сія для Вильгельмины, столько радостна была она для Дика. Онъ не думалъ о слѣдствіяхъ своихъ ощущеній и видѣлъ только настоящее; онъ помнилъ только то, что Вильгельмина, забывъ строгость перваго своего взгляда, простила его дерзость, и, отказавшись отъ замужства, сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ сталъ передъ нею на колѣни.

Еще до восхожденія солнца онъ былъ уже въ саду и наполнилъ вазу лучшими цвѣтами. Онъ ждалъ, скоро-ли откроется окно въ комнатѣ Вильгельмины, чтобы ему можно было явиться къ ней. Онъ не сводилъ глазъ съ оконъ и минуты казались ему вѣками. Наконецъ окно отворилось, и онъ бѣжитъ къ ней, увѣренный, что цвѣты его будутъ приняты, и что сего дня, такъ-же какъ вчера, на его рукахъ будутъ размашивать шелкъ.

Какъ скоро Вильгельмина услышала шаги Дика,

она бросилась въ кресла, и сердце ея начало жестоко биться. Когда онъ отворилъ дверь, она совсѣмъ лишилась силъ. Пораженный ея блѣдностью и неподвижностью, Дикъ поставилъ вазу на каминъ и глядѣлъ на Вильгельмину съ ужасомъ. Собравъ силы свои, прерывающимся голосомъ, опустивъ глаза внизъ, она сказала: «Дикъ! чтобы не огорчить тебя, я хотѣла забыть все, что сдѣлалъ ты во время обѣда, и теперь забываю даже то, что еще вчера ты прижалъ свои губы къ моему плапью. Но пора прекратить это ребячество. Насъ раздѣляетъ слишкомъ большое разстояніе. Дикъ! ты не иное что какъ *слуга*.»

Дикъ невольно поднесъ обѣ руки свои ко лбу, и удалился въ молчаніи.

Увидѣвъ этотъ знакъ отчаянія, Вильгельмина вспомнила, что отецъ Дика положилъ свою жизнь за Пальмера. Если-бы у нея оставались силы, она побѣжала-бы воротить Дика. Въ горести, она подняла глаза къ портрету своей матери, и могла произнести только слѣдующія слова: «Довольна-ли ты?»

Какія страсти, какія чувства волнуютъ сердце этого несчастливца? О чемъ думаетъ онъ? О потерѣ Вильгельмины? Но ему никогда и не приходило на мысль, что онъ можетъ обладать ею. О гордости словъ: ты не иное что какъ

слуга? Но слова сіи были на своемъ мѣстѣ, и онъ не чувствовалъ ненависти противъ Вильгельмины за то, что она произнесла ихъ. Одинъ предметъ занималъ его мысли: да, онъ дѣйствительно былъ не иное что, какъ ничтожный слуга, соръ общества. Онъ очень зналъ это; но ему о томъ не говорили; но Полковникъ и Паспоръ старались чтобы онъ забылъ свое состояніе, и Вильгельмина напомнила ему объ оном! Онъ не плакалъ, не вздыхалъ, и былъ какъ окаменѣлый.

Онъ провелъ день, запершись въ своей комнатѣ. Много разъ стучались къ нему въ двери; по всему дому кликали его; онъ слышалъ это и не отвѣчалъ. Когда настала ночь, онъ завязалъ въ платокъ кой-какое платье свое, взялъ его подъ мышку, тихо сошелъ съ лѣстницы, осторожно вышелъ за ворота, и удалился.

Не прошедши и четверти мили, онъ очутился подлѣ небольшаго лѣса. Не входя въ оный, онъ оборотился, чтобы бросить послѣдній взглядъ на замокъ, и на церковь, въ первый разъ скрывавшуюся отъ глазъ его. Ночь была мрачная. Когда онъ увидѣлъ свѣтъ въ комнатахъ Пальмера и Вильгельмины, слезы въ два ручья полились изъ глазъ его.

Онъ хотѣлъ идти далѣе, но темнота помѣшала ему. Онъ легъ въ небольшомъ рву, заснулъ со слезами на глазахъ, и пробудился, когда уже

давно былъ день. Голодъ безпокоилъ его. Не оставляя рва и не продолжая своего пути, онъ спрашивалъ самъ себя: Что ему дѣлать? Кто накормитъ его? Онъ никогда не имѣлъ нужды въ деньгахъ, и Пальмеръ никогда ему не давалъ ихъ. Но голодъ не терпитъ отсрочки: на что-же рѣшиться теперь? Покуда онъ размышлялъ о своемъ печальномъ положеніи, его замѣтилъ Гуттенбергъ, къ которому приходили спрашивать о немъ вечеромъ, и еще этимъ утромъ. Встревоженный такимъ необычайнымъ отсутствіемъ, Пасторъ пустился на удачу искать Дика и спрашивать въ окрестностяхъ, не видалъ-ли его кто нибудь.

«Откуда идешь ты? Куда? Гдѣ былъ ты ночью? Зачѣмъ приводишь ты всѣхъ въ такое безпокойство? И что значитъ эта связка подъ рукою? Отвѣчай!» Видъ и слова Пастора окаменили молодаго человѣка. Онъ оставался въ молчаніи и въ удивленіи. Да и чтобы сталъ отвѣчать онъ? «Пойдемъ со мною,» сказалъ Гуттенбергъ, и онъ пошелъ за нимъ, какъ овечка.

Пальмеръ былъ въ страшномъ безпокойствѣ. Двадцать разъ ночью онъ звонилъ и спрашивалъ, возвратился-ли его маленькій шалунъ. Днемъ страхъ его удвоился: онъ думалъ, что съ Дикомъ случилось какое нибудь несчастіе. Задумавшись сидѣлъ онъ въ креслахъ, подлѣ огня, и былъ вмѣстѣ съ дочерью. Только что велѣлъ онъ

принести къ себѣ въ комнату завтракъ, когда явился Паспоръ, держа за руку маленькаго бѣглеца, который шелъ за нимъ въ трепетѣ, какъ преступникъ, являющійся передъ судію.

— Вотъ онъ—сказалъ Гуттенбергъ—возьмите его. — « Да изъ какого омута вытащили вы его?» спросилъ Полковникъ.—Онъ былъ въ двухъ шагахъ отсюда : въ лѣсу Броно.—« Что онъ тамъ дѣлалъ?»—Спрашивайте его вы сами: можетъ быть вамъ онъ и скажетъ это. Я не могъ добиться отъ него ни единаго слова.

« Ну, » сказалъ Пальмеръ, « сдѣлай-же милость, говори. Гдѣ ты былъ ? »

— Въ лѣсу Броно.

« Гдѣ ты ночевалъ ? »

— Въ лѣсу Броно.

« Куда ты шелъ ? »

— Въ Минхенъ.

« А что тамъ дѣлать ? »

— Записаться въ службу.

« Записаться въ службу? Да когда у тебя есть охота служить, то развѣ у меня нѣтъ полка? Нѣтъ, тутъ что-нибудь да есть. »

Полковникъ далъ знакъ слугамъ, чтобы они вышли, и когда это было исполнено, онъ прибавилъ : « Скажи, не оскорбилъ-ли тебя кто-нибудь изъ моихъ людей? Не сказали-ли тебѣ чего-нибудь, не сдѣлали-ль? . . . »

— Нѣтъ, Г-нъ Полковникъ! Отъ вашихъ лю-

дей я ничего не видалъ, кромѣ дружбы. — « Такъ говори-же, несчастный, зачѣмъ хочешь ты оставить меня? Развѣ тебѣ дурно жить здѣсь? » Дикъ не отвѣчалъ ни слова. « Ну! » примолвилъ Полковникъ: « это, надѣюсь, объяснится. А въ ожиданіи, запрещаю тебѣ переходить черезъ дворъ. Пасторъ! завтракали-ль вы? » — Нѣтъ, Полковникъ. — » Такъ, садитесь-же. »

Дикъ положилъ свой свертокъ на стулъ, взялъ приборъ и поставилъ его передъ Пасторомъ. « Что ты дѣлаешь? » сказалъ Полковникъ. « Развѣ я не говорилъ тебѣ, что впередъ ты не служишь долженъ мнѣ, а сидѣть за однимъ столомъ со мною? Позвони моимъ людямъ и садись... Что-же? Развѣ ты не слышишь? » — Г-нъ Полковникъ! я не сяду съ вами.—« Какъ не сядешь? » — Не сяду, Г-нъ Полковникъ. — « Почему-же? » — Насъ раздѣляетъ слишкомъ большое разстояніе: я не иное что какъ слуга.

Едва Дикъ произнесъ сіи слова, какъ Вильгельмина, съ самаго прихода его не поднимавшая глазъ, опустила голову, залилась слезами и не могла болѣе удерживать своихъ, долго задушаемыхъ рыданій. Она встала и хотѣла уйдти, но дошедши до дверей потеряла память, упала, и Дикъ едва успѣлъ поддержать ее въ своихъ объятіяхъ. Онъ перенесъ ее на постель Пальмера, но увидѣвъ неподвижность, блѣдность Вильгельмины, подумалъ, что она умерла. Въ совер-

шенномъ забытіи, на колѣняхъ подлѣ постели, онъ прижимаетъ къ своему сердцу ея помертвѣлую руку и вскрикиваетъ: — Боже мой! помоги ей: она умираетъ! Я погибъ! Помоги ей, Боже мой!

Эта сцена объяснила состояніе сердца несчастныхъ дѣтей: все открылось. Пальмеръ и Пасторъ не думали помогать Вильгельминѣ, не думали отрывать отъ нея Дика. Пальмеръ неподвижно глядѣлъ на Пастора, потупившаго глаза въ землю. Гутштенбергъ первый прервалъ молчаніе и сказалъ Полковнику: «Я уведу его къ себѣ. Онъ останется у меня до тѣхъ поръ, пока вы рѣшитесь на что нибудь и произнесете приговоръ его жребію.» Полковникъ съ нѣжностію посмотрѣлъ на Гутштенберга, пожалъ ему руку въ знакъ согласія, и сказалъ только: — Пасторъ! я несчастливъ.

Когда Пасторъ увелъ Дика, Пальмеръ позвонилъ и велѣлъ позвать Бригитту. Оставивъ ее со своею дочерью, онъ удалился въ самую темную аллею сада и повторилъ нѣсколько разъ: я несчастливъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

— Черная немочь, повѣсть М. Погодина. М. 1829. въ т. Семена Селивановскаго. 114 стр., in 12.

Съ нѣкотораго времени у насъ начали появляться опыты повѣстей *Русскихъ*. Разсмотримъ сію новую, замѣчательную отрасль нашей Словесности.

Неоспоримо, что всякій вѣкъ имѣетъ свою Литтературу. Эту мысль должны мы принять основаніемъ нашихъ сужденій, ибо она покажетъ намъ, до какой степени истинно или ложно нынѣшнее направленіе нашей *повѣствовательной* Словесности. Вѣкъ имѣетъ свои потребности, выражающіяся всего яснѣе въ Литтературѣ, которую Бональдъ справедливо называетъ выраженіемъ общества. Въ наше время, Рускіе должны были наконецъ утомиться подражательностью, ибо, надобно признаться, она была доведена у насъ до послѣдней степени. Но въ чемъ состоятъ новыя требованія настоящаго времени? И общество наше, и Литтература, были донынѣ настроены по Французскому камеръ-тону. У нихъ Прево, со своими романами, у насъ Елагинъ съ Маркизомъ Г***; у нихъ любимый романистъ Авг. Лафонтенъ, и у насъ тоже; у нихъ *историческая* Мадамъ Жанлисъ, у насъ переводы всѣхъ ея романовъ; наконецъ Французы въ восторгѣ отъ В. Скотта, мы тоже *перетолмачили* почти всѣ его романы — и вотъ вамъ эпоха, и потребность Вальтеръ-Скоттствовать! Очеркъ сей краткокъ, но вѣренъ. Тотъ весьма ошибется, кто подумаетъ, что въ настоящее время у насъ

есть въ мнѣніяхъ что нибудь свое, самобытное. Правда, есть въ нѣкоторыхъ Русскихъ душахъ, образованныхъ особенными обстоятельствами, потребность въ народной Литературѣ и въ историческихъ Русскихъ романахъ, но она еще не пробуждена въ обществѣ нашемъ, безотчетно повинующемся первому чтенію, какъ провинціяльный помѣщикъ, для котораго хороша каждая книга, привезенная кочующимъ Суздаломъ, вмѣстѣ съ лентами, сельдями, о-де-колономъ и другимъ заморскимъ товаромъ.

Посему, несправедливо полагаютъ нѣкоторые, что мы свергли иго Французскихъ мнѣній. Гдѣ нѣтъ самобытности, тамъ должно господствовать чуждое. Въ Литературѣ мы еще долго будемъ слушаться Французовъ и слѣдовать за ихъ стремленіями, какъ невозрастные ученики повинуются правиламъ отставнаго, долго повелѣвавшаго ими дядьки. Но что заставило насъ обратиться къ Русскимъ повѣстямъ? Странно, но должно признаться, что и здѣсь виною подражаніе, и потому-то новое стремленіе наше, будучи вліяніемъ чуждымъ, не самороднымъ, пришедшимъ извнѣ, опять заставляетъ насъ повиноваться себѣ безотчетно. Для повѣрки сего мнѣнія, надобно оглянуться назадъ, дабы увидѣть, что еще за десять лѣтъ у насъ никто не думалъ, чтобы Русскій бытъ имѣлъ свои стороны, достойныя піитическаго воззрѣнія. Опытовъ Карамзина не льзя назвать Русскими, ибо они только написаны Русскимъ языкомъ. Короче: новое побужденіе началось съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ В. Скоттомъ. Его

успѣхъ, занимательность его произведеній и нѣчто новое въ Искуствѣ, обратили на себя вниманіе Русскихъ писателей. Они искали причинъ занимательности, заключающейся въ романахъ В. Скотта, и думали найдти ихъ въ народности и въ миніатюрномъ изображеніи подробностей, господствующихъ въ его романахъ. Обративъ сей взглядъ на Русскій бытъ, романисты наши увидѣли, что и у насъ есть свои мѣстности, свои событія, свои присказки и поговорки: ихъ вывели на сцену, и такъ образовалось понятіе о повѣстяхъ Русскихъ, а можетъ быть и романахъ. Кто вникнетъ надлежащимъ образомъ въ теорію сего новаго въ нашей Словесности рода, тотъ согласится, что мы изобразили ее вѣрно. Чтобы показать ложность сей теоріи, мы должны сказать нѣсколько словъ о романахъ В. Скотта, породившихъ оную, и слѣдственно бывшихъ причиною заблужденія нашихъ писателей.

Въ нашъ вѣкъ, когда умы и дѣйствія людей, обращенныя на удовлетвореніе своекорыстныхъ потребностей, особенно отличаются мелкостію и пошлостію, унижающими высокую природу человѣка, поэтъ, столь сильный какъ В. Скоттъ, могъ понять, что романъ должно вывести изъ круга обыкновенныхъ, современныхъ событій и перенести въ область Исторіи. В. Скоттъ не вездѣ остался вѣренъ сему направленію, однакожь почти каждый изъ его романовъ привязанъ къ какому-нибудь Историческому событію, и основная мысль его въ семъ родѣ созданій показываетъ творческій геній; но это не мѣшаетъ намъ видѣть слабыя

стороны сего знаменитаго Писателя. Онъ часто бываетъ до утомительности растянутъ въ описаніяхъ мѣлочныхъ подробностей; завязка въ его романахъ не всегда удовлетворительна, и наконецъ, что̀ мы почитаемъ главнымъ, у него въ романѣ никогда не господствуетъ высокая, такъ сказать, нравственная мысль, какую мы находимъ, напримѣръ, въ Донъ-Кихотѣ Сервантеса, достигшаго всей высоты Искусства въ своемъ безсмертномъ созданіи. Отъ сего главнаго недостатка, В. Скоттъ вообще не глубокъ въ изображеніи характеровъ, неспособенъ къ изображенію чудеснаго, и не имѣетъ кисти художника въ очертаніи характера женщинъ. Въ его романахъ всего разительнѣе, всего важнѣе основная мысль: удалиться отъ мѣлкихъ событій современнаго общества и приводить въ движеніе идеи высшаго достоинства. Сверхъ того, онъ неподражаемъ въ живости и точности изображеній, не только характеровъ и большихъ предметовъ, но даже всѣхъ мѣлочей, часто досаждающихъ читателю, но всегда описанныхъ съ отчетливостью Фламандской школы. Прибавьте къ сему взглядъ человѣка необыкновеннаго, который, даже показывая иногда отсутствіе вкуса, всегда занимаетъ и веселитъ васъ своею бесѣдой.

Сервантесъ великъ совсѣмъ иначе. Въ Рыцарѣ печальнаго образа вы видите образецъ благородства, неутомимости, рѣшительности и доброты, словомъ, видите настоящаго рыцаря среднихъ вѣковъ, дѣлающагося лицомъ комическимъ единственно отъ несообразности его дѣйствій съ вѣкомъ и

съ обстоятельствами. Въ противоположности съ нимъ, его странный Оруженосецъ, которому предметы представляются совершенно иначе, нежели его Рыцарю. Санчо-Панса совсѣмъ не дуракъ: онъ только глядитъ на все съ самой прозаической стороны, и потому, думая подражать своему господину, онъ составляетъ собою каррикатуру его; онъ даже показываетъ иногда болѣе смѣтливости и здраваго смысла, нежели Рыцарь, но въ немъ это заглушено низкими потребностями, точно такъ же какъ умъ и благородство Донъ-Кихота смѣшны своимъ высокопарнымъ, несовременнымъ и слѣдственно безумнымъ стремленіемъ. Эта противоположность, представленная въ истинно піитическихъ образахъ, показываетъ необходимость соглашенія двухъ различныхъ стремленій природы человѣческой, необходимость гармоніи, единства, и дѣлаетъ романъ Серванпеса глубокимъ созданіемъ Искусства.

Нашъ легкій очеркъ Донъ-Кихота можетъ напомнить читателямъ высоту, на какой стоитъ сей романъ, въ сравненіи съ романами В. Скотта. Произведенію Искусства недостаточно только вѣрности и живости въ изображеніяхъ: иначе, Историческія событія и лица въ Исторіи Юма приближались-бы болѣе къ идеалу Искусства, нежели тѣже лица, изображенныя въ трагедіяхъ Шекспира; но выходитъ противное, ибо произведеніе Искусства есть новое созданіе предмета, заимствованнаго изъ природы, изъ источника истины. Вальтеръ Скоттъ постигъ это, и потому Историческое со-

бытіе у него есть только канва, на которой онъ изображаетъ свое созданіе. Зная всего лучше свое отечество, онъ чаще всего беретъ и предметъ, и краски для изображенія онаго, изъ Исторіи Шотландіи. Но романовъ его не льзя назвать чисто Историческими, ибо въ нихъ главное завязка, основывающаяся на судьбѣ героевъ, большею частію вымышленныхъ, и только связанныхъ съ какимъ-нибудь Историческимъ событіемъ. Совершенно понимая свою сильную сторону, В. Скоттъ всего болѣе обращаетъ вниманіе на частныя картины, и тѣмъ не рѣдко приводитъ читателя своего въ нетерпѣніе. Онъ описываетъ намъ мѣстныя положенія, обычаи, нравы, одежду, и даже заставляетъ Шотландцевъ говорить ихъ языкомъ, потому что все это близко къ нему: это его міръ, гдѣ управляетъ онъ самовластною рукою. Но если-бы подробности составляли изящество романовъ В. Скотта, то какъ согласить съ этимъ нетерпѣливость, невольно ощущаемую при чтеніи подобныхъ описаній? Ясно, что не онѣ увлекаютъ вниманіе цѣлаго міра, а самое созданіе, то есть общность, которая не будучи у него глубокою въ основной мысли, всегда занимательна и новостью характеровъ, и судьбою героевъ, и согласіемъ, гармоніею частей.

Мы сдѣлали, можетъ быть, слишкомъ длинное отступленіе отъ нашего предмета, но это вина не наша: дѣйствіе, произведенное В. Скоттомъ на Словесность романовъ у всѣхъ народовъ, такъ сильно, что говоря даже о Русскихъ романистахъ, не льзя не обратить вниманія и на него. В. Скоттъ

есть дядька всѣхъ современныхъ намъ сочинителей романовъ.

Что заимствовали у него наши романисты? Одну, самую прозаическую часть его изящныхъ созданій: изображеніе подробностей, то есть то, въ чемъ не льзя и не должно подражать ему: не льзя, потому что прелесть его описаній есть неотъемлемая, личная его собственность; не должно, потому что и у него обиліе ихъ почти выходитъ изъ границъ вкуса. Новая сторона въ Искусствѣ, раскрытая Вальтеръ-Скоттомъ, совершенно ускользнула отъ вниманія нашихъ романистовъ; они не воспользовались ею, и стали подражать ему, какъ только можно матеріяльнѣе. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь вообразилъ себѣ, будто мы требуемъ *Историческихъ* повѣстей и романовъ, то есть хотимъ, чтобы всякій романъ и повѣсть были основаны на Историческомъ событіи. Напротивъ! Что значитъ: основать на Историческомъ событіи романическій разсказъ? Основать его на истинномъ событіи. Но Исторія, кромѣ истины, представляетъ еще другую выгоду для романиста: она изображаетъ событія, имѣвшія послѣдствія, то есть событія важныя, входящія болѣе или менѣе въ составъ Исторіи человѣчества. Вотъ гдѣ заключается великость шага Вальтеръ-Скоттова! Онъ практически доказалъ, что истина и относительная важность событій составляютъ непремѣнные элементы романа нашей эпохи. Подробности у него то-же что подробности въ произведеніи живописца-художника: это предметы побочные, необходимые только какъ принадлежности, кото-

рые художникъ можетъ измѣнять по волѣ. В. Скоттъ изображаетъ преимущественно Шотландію потому-же, почему ландшафтный живописецъ изображаетъ предметы ему знакомые, изученные имъ.

Но заслуга В. Скотта будетъ въ глазахъ нашихъ еще важнѣе, когда мы сообразимъ, что направленіе, данное имъ романамъ, относится не къ однимъ Историческимъ событіямъ, но и къ явленіямъ духа человѣческаго вообще: сильныя страсти, народныя преданія и повѣрія, заблужденія ума, словомъ все, что выходитъ изъ круга обыкновенныхъ явленій, законно принадлежитъ роману, вслѣдствіе завоеванія, сдѣланнаго въ Исторіи Шотландскимъ Баронетомъ. Пользуйтесь всѣмъ этимъ, но пользуйтесь творчески. Для чего дѣлать сколокъ именно съ его романовъ и пускаться въ подражаніе тому, что не можетъ быть предметомъ подражанія?

Обращаясь къ повѣсти Г-на Погодина, изданной отдѣльною книжкою подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ, мы можемъ упрекнуть Автора ея во многихъ несообразностяхъ. Кромѣ неестественности происшествія, служащаго основаніемъ сей повѣсти, и явно показывающаго, что оно взято не съ природы и не изъ истиннаго событія, подробности разсказа и многословіе дѣйствующихъ лицъ носятъ на себѣ всѣ недостатки безотчетныхъ подражателей В. Скотта. Это показываетъ, что Авторъ *Черной немочи* не обнялъ предмета своего піитически, и, по соображеніи прежнихъ его опытовъ, заставляетъ признаться, что онъ принадлежитъ къ числу

людей, увлекаемыхъ общимъ потокомъ подражанія, не возносящихся надъ тѣснымъ обзоромъ обыкновеннаго, холоднаго передавателя чужихъ вдохновеній.

Черная немочь основана на томъ, что сынъ богатаго купца, отчаяннаго невѣжды и богача, имѣетъ врожденную склонность къ познаніямъ, къ мудрости, но будучи лишенъ средствъ удовлетворить свою жадность къ наукамъ, пóпится въ то время, когда за него сосватали богатую невѣсту.

Если-бы Авторъ сообразилъ, что всякое явленіе есть слѣдствіе причины, лелѣемой обстоятельствами, то онъ не вложилъ-бы въ умъ и душу своего героя такихъ требованій, которыя не могли въ ней зародиться. Невозможно, чтобы человѣкъ, выучившійся грамотѣ, какъ говорится, на *мѣдныя деньги*, съ малолѣтства окруженный и возросшій между закоренѣлыми невѣждами, думалъ *о человѣкѣ вообще, о раздѣленіи на полы, мужескій и женскій, объ ихъ значеніи, различіи и связи, о параллельныхъ явленіяхъ во всей природѣ*... чтобы у него *заиграла и фантазія, ему представилась картина счастливой любви, составился идеалъ прелестнаго существа*, и проч. и проч. Если читатели примутъ на себя трудъ прочесть повѣсть Г-на Погодина, то они увидятъ, что все влагаемое симъ послѣднимъ въ уста и въ умъ его героя, явно принадлежитъ Автору и составляетъ смѣшную невозможность для того лица, которому оно приписано. Да!... Благое Провидѣніе мудро устроило лѣствицу умственнаго образованія, и человѣкъ восходитъ къ своему идеалу постепенно. Невозмож-

ныхъ требованій ума нѣтъ, или они будутъ безумiемъ, что и случилось съ сыномъ Аввакумова. Если-бы Авторъ лучше постигалъ исторію *самообразованія*, исторію тѣхъ необыкновенныхъ людей, на которыхъ онъ намекаетъ, изображая своего героя, то онъ не заставилъ-бы сына Аввакумовыхъ утопиться. Въ душахъ Ломоносовыхъ и Гердеровъ (названныхъ Авторомъ) бываетъ такой запасъ силъ, что препятствія не принудятъ ихъ лишить себя жизни. Но человѣкъ безъ стремленія, безъ средствъ и безъ силъ лѣзущій въ Гердеры, достоинъ дома сумасшедшихъ, ибо это каррикатура великаго человѣка, нравственный Донъ-Кихотъ — и хвала Судьбѣ, что такихъ людей нѣтъ на свѣтѣ.

Мы не имѣемъ здѣсь цѣлію критиковать подробно повѣсть Г-на Погодина, и говоримъ о ней только для примѣра, для подтвержденія общихъ нашихъ заключеній. Изъ сказаннаго нами однакожь можно видѣть несообразность плана *Черной немочи*. Но мы должны нѣсколько подробнѣе поговорить объ исполненіи, о подробностяхъ сей повѣсти, ибо можетъ случиться, что въ будущихъ повѣстяхъ Г-на Погодина общность будетъ лучше, исполненіе-же у него одинаково и въ *Нищемъ*, и въ *Невѣстѣ на ярмаркѣ* (прежде напечатанныхъ повѣстяхъ сего Автора) и въ *Черной немочи*. Оно принадлежитъ къ тому роду подражаній Вальтеръ-Скотту, который составляетъ предметъ нашего разбора.

Говорятъ, что языкъ дѣйствующихъ лицъ въ *Черной немочи*, картины и мѣлочныя подробности

взяты съ природы. Очень можетъ быть, что *черный* народъ нашъ говоритъ, думаетъ и живетъ почти такъ, какъ описываетъ это Г-нъ Погодинъ. Но гдѣ границы вкуса? Все-ли существующее въ природѣ и въ обществѣ достойно быть перенесимо въ Изящную Словесность? Почему не кстати здѣсь напомнить извѣстный отвѣтъ Вольтера одному безсмысленному защитнику великаго Шекспира, утверждавшему, что Британскій геній все бралъ съ природы? Кажется, кто осмѣливается разсуждать о Шекспирѣ и Гёте, тотъ долженъ напередъ понять, что въ ихъ великихъ созданіяхъ низкая природа составляетъ необходимую принадлежность цѣлаго. Къ тому-же, напримѣръ, Фальстафъ въ Генрихѣ IV-мъ Шекспира, есть не иное что какъ олицетворенный порокъ, выставленный во всѣхъ своихъ смѣшныхъ и отвратительныхъ видахъ, слѣдственно онъ здѣсь не просто картина, но одна изъ противоположностей нравственной мысли, въ общемъ развитіи своемъ образующей одно, гармоническое цѣлое. Нѣкоторыя изрѣченія Фальстафа, не нравящіяся Классикамъ, необходимы, ибо порокъ, иначе представленный, былъ-бы недорисованъ, неестественъ, неузнаваемъ, и его изображеніе не достигало-бы своей цѣли. Но составьте сочиненіе изъ однихъ грубыхъ выраженій, или прицѣпите сіи послѣднія къ какому-нибудь безсвязному творенію, и вы не достигнете даже высоты нѣкоторыхъ басенъ А. Е. Измайлова, имѣющихъ большое достоинство, какъ чистый образецъ прозаической стороны общественной жизни.

Если-бы Г-нъ Погодинъ хотѣлъ представить намъ

бытъ простаго народа святой Руси, то не грубую только и смѣшную сторону его долженъ былъ изобразить онъ, а соединить это съ тѣмъ, что̀ есть въ немъ добраго, прекраснаго. Для этого надобно смотрѣть на предметъ творчески, то есть обнимать общность предмета и пересоздавать его. Но разговоръ Протопопицы о капустѣ, сваха, обитательница низменной лавочки, и жена Аввакумова, ничего не представляютъ собою, кромѣ грубыхъ очерковъ, можетъ быть и вѣрныхъ, но скучныхъ, незанимательныхъ, не дающихъ понятія о нашемъ народѣ. Замѣтимъ, что если-бы изъ повѣсти Г-на Погодина выкинуть всѣ сіи ненужныя подробности, то содержаніе ея ничего не потерпѣло-бы: такъ плохо связана сія повѣсть. Языкъ въ ней вообще дуренъ и во многихъ мѣстахъ дѣйствующія лица и Авторъ говорятъ одинакими выраженіями. Мы думаемъ, что первыя должны говорить свойственнымъ имъ языкомъ, напротивъ авторъ обязанъ выражаться языкомъ хорошаго общества и выдерживать тонъ своего разсказа. Образцами въ семъ случаѣ могутъ служить новѣйшіе писатели, Цшокке и Вашингтонъ Ирвингъ. О Русскихъ писателяхъ сего рода не упоминаемъ, по многимъ причинамъ.

Мы показали несообразность произведенія романическаго, бывшаго слѣдствіемъ безотчетнаго подражанія. Имѣвши въ виду В. Скотта, Г. Погодинъ думаетъ, что попалъ на путь своего великаго учителя, выставивъ безобразные очерки Русскаго народа. Заблужденіе непростительное! Не народ-

ность, не мѣлкая живопись подробностей составляютъ силу и прелесть романовъ В. Скотта, а его творческій взглядъ, общность созданія и при нихъ мастерство въ описаніи подробностей. Мы должны быть благодарны Автору Вечерняя и за то, что онъ показалъ, какъ должно пользоваться народностью; прибавимъ сверхъ сего, что въ наше время народность сдѣлалась необходимымъ требованіемъ; но она можетъ быть вѣрно изображена только такимъ писателемъ, который глядитъ съ высоты, являющей ему всю общность предмета, занимающаго творческое его вниманіе.

Исторія Россіи богата и обильна разительными событіями, не менѣе Шотландской Исторіи. Скромность сего выраженія конечно будетъ дополнена благомыслящимъ читателемъ, который знаетъ судьбу нашего великаго отечества въ протекшемъ времени и понимаетъ славное назначеніе его въ будущемъ. Не говоря о древней нашей Исторіи, какою можемъ почитать все случившееся на Русской землѣ до единодержавія Іоанна III-го, слѣдовавшія за тѣмъ царствованія, Борисъ, самозванцы, междуцарствіе, царствованіе Дома Романовыхъ до Петра, и наконецъ Божественный Преобразитель Россіи — какая необозримая перспектива событій, какія краски для искуснаго писателя! Нѣтъ, не только Исторія Шотландіи, но едва-ли какая либо Исторія сравнится съ однимъ временемъ Петра, гдѣ множество необыкновенныхъ Историческихъ лицъ и событій, борьба Азіятскихъ нравовъ съ Европейскими, появленіе женщинъ въ обществахъ, толпа пріѣзжающихъ иноземцевъ, и проч., кажется ждутъ творца-рома-

ниста ! Вотъ матеріялы. Художникъ долженъ только дать имъ душу и его ожидаетъ слава Вальтеръ-Скотта. Онъ возьметъ происшествіе истинное, и если оно требуетъ продолжительнаго развитія, создастъ изъ него романъ; если оно должно быть представлено въ краткомъ объемѣ, будучи не способно къ развитію подробному, онъ напишетъ повѣсть, которой все различіе отъ романа заключается въ меньшемъ объемѣ, назначаемомъ самымъ предметомъ сочиненія. Онъ не ограничится одною Историческою основою, но вникая въ духъ своего народа, въ его прежніе и настоящіе обычаи, нравы, повѣрья, и въ основные элементы его природы, откроетъ и въ нихъ предметы, богатые для развитія, вопросы важные для разрѣшенія, ибо всякое сочиненіе, принадлежащее собственно къ Изящной Словесности, есть не иное что, какъ рѣшеніе какой либо нравственной задачи. Глядя на предметы не поверхностно, онъ не ограничится пустословнымъ изображеніемъ частныхъ, мѣстныхъ каррикатуръ и людей, не служащихъ представителями его собратовъ. Главное, онъ обратитъ вниманіе на истинныя событія, ибо никакой умъ, никакое воображеніе не могутъ выдумать такой поэзіи въ событіяхъ и предметахъ, какая существуетъ въ природѣ. Надобно умѣть находить эту поэзію: она открыта для всѣхъ, но видима только для немногихъ людей, одаренныхъ творческою силою ума и воображенія.

Вотъ требованія нашего вѣка, извлеченныя нами изъ явныхъ событій, изъ примѣра, даннаго Вальтеръ-Скоттомъ, и изъ собственныхъ нашихъ на-

блюденій. Почитая главнымъ для романа истину и великость или важность событій, и облеченіе ихъ въ народную форму, чего также требуетъ возраждающаяся самобытность народовъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ прелестныхъ бездѣлкахъ, которыя собственно не составляютъ рода сочиненій, но не могутъ быть исключены изъ области романовъ и повѣстей: это разсказы, гдѣ, какъ думаютъ многіе, все составляетъ самый разсказъ. Таковы нѣкоторыя изъ сочиненій Стерна и Вашингтона Ирвинга, гдѣ нѣтъ, по видимому, событій, хотя чтеніе ихъ веселитъ и радуетъ душу. Замѣтимъ во первыхъ, что и они всегда заключаютъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ новый, оригинальный взглядъ на предметъ разсказа, слѣдственно составляютъ актъ познанія, удовлетворяющій читателя новостью пути, коимъ достигъ Авторъ своей цѣли; во вторыхъ, сіи разсказы почти всегда составляютъ часть чего-либо цѣлаго, какъ напримѣръ въ Тристрамѣ Шенди и Bracebridge-Hall, гдѣ всѣмъ имъ назначено свое мѣсто. Но, въ дополненіе къ этому, скажемъ, что сей родъ есть, можетъ быть, самый трудньйшій изъ всѣхъ родовъ романа, ибо онъ совершенно зависитъ отъ таланта и искуства писателя. Въ этомъ родѣ невозможно подражать ничему, ибо въ немъ нѣтъ явныхъ точекъ, которыя могли-бы служить путеводителями.

Изъ всего сказаннаго нами можно вывесши слѣдующее заключеніе. Пробудившись для новаго требованія вѣка, Русскіе романисты еще не освободились отъ подражательности, долго имѣвшей на

нихъ столь сильное вліяніе. В. Скоттъ произвелъ на нихъ необыкновенное впечатлѣніе своимъ гигантскимъ успѣхомъ, но былъ понятъ поверхностно, потому что онъ сдѣлался въ Россіи знакомъ болѣе своею славою у Французовъ, нежели своими существенными достоинствами: доказательствомъ сего служитъ малый успѣхъ его романовъ въ Россіи. Но нѣкоторые удачные опыты въ повѣствовательномъ родѣ, показываютъ, что и въ Россіи есть люди, поэтически понимающіе Автора *Европейскихъ, современныхъ* романовъ, а не Историческихъ, не Шотландскихъ, какъ думаютъ многіе, ибо сіи романы имѣютъ успѣхъ не потому что въ нихъ изображена Шотландія, не потому что въ нихъ встрѣчаются Историческія лица, а въ слѣдствіе сообразности ихъ съ вѣкомъ, которому необходимы и самобытное выраженіе народности и, при томъ, сильныя потрясенія души, обширное дѣйствіе и лица, занимательныя своею высотою въ нравственномъ смыслѣ, ибо насъ не могутъ уже растрогивать миловидныя картины семейственной жизни и тихія страсти. Опыты Г-на Погодина показываютъ, что онъ не рожденъ быть романистомъ: онъ глядитъ на предметы прозаически, и тѣмъ доказываетъ, что не внутреннее призваніе заставляетъ его писать свои опыты, а усиліе подражать В. Скотту. Вотъ почему въ повѣстяхъ его мы не находимъ той душевной теплоты, которая оживляетъ все и заставляетъ забывать многіе недостатки.

Но уже Русскіе писатели постигаютъ требованія своего времени, и мы могли-бы указать на нѣ-

которыя достойныя хвалы произведенія въ романическомъ родѣ. Будемъ надѣяться, что скоро увидимъ мы еще бо́льшее приближеніе къ совершенству, еще бо́льшее число занимающихся симъ прекраснымъ, блестящимъ родомъ сочиненій. Можетъ быть и наши безпристрастныя, основанныя на желаніи добра замѣчанія, послужатъ кому нибудь въ пользу. Желаемъ этого, но еще болѣе желаемъ, чтобы будущіе опыты Русскихъ романистовъ превзошли наши ожиданія и оправдали наши надежды.

Кс. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *Сокращенный памятникъ Россійскаго Законодательства*, составленный Н. И. Х. СПб., въ Тип. Экспедиціи заготовленія Государств. бумагъ. 1829. XXXV и 122 стр., in 12.

Чѣмъ болѣе радуетъ насъ появленіе книгъ, относящихся къ важнымъ предметамъ, тѣмъ иногда непріятнѣе бываетъ появленіе оныхъ. Радуетъ книга ученая, систематическая, поясняющая сдѣланное, открывающая новое; непріятна книга ничтожная, сшитая изъ разнохарактерныхъ лоскутьевъ, наполненная старыми пустяками и новымъ вздоромъ. Она непріятнѣе пустоцвѣтныхъ явленій Изящной Словесности потому, что отъ

сихъ послѣднихъ ничего не ожидаешь, не требуешь. Напротивъ книга, являющаяся подъ знаменіемъ сочиненія Историческаго, юридическаго, вообще ученаго, заставляетъ чего-то требовать, ожидать, и обманъ ея такъ-же досаденъ, какъ неплатежъ по векселю, который мы почитали вѣрнымъ.

И для чего браться сочинителямъ за такія книги, если они не надѣются сдѣлать что-нибудь новаго, лучшаго въ сравненіи съ прежнимъ? Такъ, говоря объ отечественномъ Законодательствѣ, развѣ не довольно для насъ *Памятника изъ Памятника*, каждый N° Газетъ выхваляемаго издателями его; книгъ Г-на N. N. и Г-на А. А., и другихъ компиляцій? Нѣтъ! надобно было Г-ну Н. И. Х. написать *Сокращенный Памятникъ Россійскаго Законодательства*, надобно было Г-ну Олину издавать его, и писать въ *Предисловіи* слѣдующее: «Получивъ позволеніе изда-«дать въ свѣтъ — тѣмъ съ большимъ усердіемъ по-«спѣшаю напечатать сію ручную книжку, что по-«читаю оную подаркомъ самымъ полезнымъ и за-«нимательнымъ для читателей.» Причина этого? спроситъ читатель.—Издатель отвѣчаетъ: «Каж-«дый обязанъ имѣть понятіе о Законодательствѣ «своего Государства.» — Хорошо; но книжка Г-на Н. И. Х. даетъ-ли понятіе объ отечественномъ Законодательствѣ? — Издатель продолжаетъ: «Въ «семъ-то именно отношеніи книжка сія можетъ «служить для всѣхъ съ пользою, *преимущественно* «*по части Исторической*.»

Можетъ быть Издателю, какъ Литтератору, донынѣ занимавшемуся стихами и легкою прозою,

неизвѣстно, что въ ученыхъ книгахъ не можетъ быть разности и неопредѣленности мнѣній. Тутъ не говорятъ: de gustibus non est... *и прочее.* Gustus въ нихъ опредѣляется фактами, и слѣдственно споровъ не бываетъ.

Въ слѣдствіе сего должно сказать, что книжка, сочиненная Г-мъ Н. И. Х. и изданная Г-мъ Олинымъ, есть сборникъ самый пустой и безполезный.

Это что-то *Историческое,* раздѣленное на періоды. Въ каждомъ періодѣ вмѣщено по нѣскольку коротенькихъ статеекъ; въ каждой статейкѣ написано что-нибудь, и каждая статейка носитъ *заглавіе* крупными буквами. Въ иныхъ, все этимъ заглавіемъ и оканчивается.

Сначала идетъ двѣ странички о Славянахъ; потомъ двѣ странички о древнѣйшихъ Русскихъ законахъ; далѣе выборъ кое-чего изъ Русской Правды; за тѣмъ всякая всячина; наконецъ, опять кое-какія выписки изъ Судебниковъ В. К. Іоанна III и Царя Іоанна IV. Такъ доходитъ Авторъ до Петра Великаго, и тутъ располагаетъ все въ слѣдующемъ порядкѣ: при каждомъ царствованіи, строкъ по нѣскольку *введенія;* потомъ статья: *Общія учрежденія,* и другая: *Примѣчательные (?) указы.* Въ *общихъ учрежденіяхъ* поставлены только названія; напримѣръ: Царствованіе Екатерины II (стр. 85):

«Уставъ Благочинія (1782 г. Апрѣля 8).

«Орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра (1782 г. Сент. 22).

«Уставъ народныхъ училищъ (1786 г. Авг. 5).

«О предосторожностяхъ въ С. Петербургѣ во время наводненія (1777 г. Сент. 22).

«Грамота о правахъ и преимуществахъ Дворянства (1785 г. Апрѣля 21).

«Городовое Положеніе (1785 г. Апрѣля 21).

«Манифестъ о поединкахъ (1787 г. Апрѣля 21).»

Вотъ *цѣлая страница!* Спрашиваемъ: какое *понятіе* даетъ она о сущности, качествахъ, духѣ законовъ, на ней поименованныхъ? Дабы судить, даетъ-ли какое-нибудь понятіе о законахъ статья: *Примѣчательные указы,* скажемъ, что изъ царствованія Императрицы Екатерины II-й означено 14 статей; изъ царствованія Императора Павла 10 статей; изъ царствованія Императора Александра 18 статей. Выборъ указовъ произведенъ не по важности, а такъ, по произволу Автора, взято что ему вздумалось почесть *замѣчательнѣйшимъ.*

Послѣ сего о *пользѣ* Сокращеннаго Памятника *для изученія нынѣ существующихъ законовъ,* кажется, нечего и говорить. Но, можетъ быть, по увѣренію Издателя, въ *Историческомъ отношеніи* оный полезенъ? Сомнѣваемся, потому, что извѣстія о древнихъ законахъ, на 49 страницахъ помѣщенныя, есть сборъ статеекъ безъ всякаго порядка и критики. Тутъ много помѣщено и не относящагося къ законамъ, напримѣръ: о приходѣ Евреевъ изъ Тавриды (стр. 19); о поученіи Мономаха (стр. 20); о введеніи въ Россію писчей бумаги (стр. 24): а законы являются коротенькими вырѣзками. Повѣримъ нѣсколько извѣстій Автора.

Славяне жили въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. въ нынѣшней Россіи. Какое-же этому доказательство? Не-

сторово извѣстіе о путешествіи Св. Апостола Андрея на Днѣпръ и Ильмень (стр. 1)!

Въ самыя древнѣйшія времена Славяне *не знали власти надъ собою;* потомъ было у нихъ правленіе *аристократическое*, и они сходились въ храмы вопрошать боговъ; главный храмъ былъ въ *Мекленбургскомъ* (?) городѣ *Ретрѣ*, а *богъ суда* назывался у нихъ *Прове*, и притомъ у Славянъ *не было ни законовъ, ни судей.* Все это напечатано на стр. 2-й и 3-й. Тутъ-же найдете, что у *Россійскихъ* (?) Славянъ не было *единовластія.*

Русская Правда, говоритъ Авторъ на стр. 8-й, «напечатана въ *Продолженіи Древней Русской Вивліовики*, и потомъ вышло новое изданіе.» А на стр. 13-й читаете: «Русская Правда издана Татищевымъ, съ примѣчаніями. Есть также изданіе 1792 года.» Чему-же вѣрить? О лучшемъ изданіи въ *Русскихъ достопамятностяхъ* (М. 1815 г. т. 1) и изъясненіяхъ Карамзина въ 1-мъ томѣ Ист. Гос. Росс., Авторъ не говоритъ ни слова.

Въ Новгородѣ было народное училище «для 300 человѣкъ, при Ярославѣ основанное» (стр. 19). А гдѣ доказательства?

«Гербъ Россійскій представлялъ бѣлаго всадника въ красномъ полѣ» (стр. 24). А въ какой Геральдіи найденъ этотъ гербъ?

«Шемяка (стр. 27), въ краткое время своего владычества, *попирая ногами* древніе Уставы и справедливость, оставилъ на вѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ о судѣ Шемякинѣ.» И такъ сказка о Шемякиномъ судѣ сдѣлалась Историческимъ доказательствомъ беззаконія и *по-*

транія ногами законовъ, благороднѣйшаго и лучшаго изъ всѣхъ своихъ современниковъ, Князя Димитрія Шемяки?

Кажется, можно уволить себя отъ дальнѣйшаго разбора *Сокращеннаго Памятника Россійскаго Законодательства*, и оставить Издателю его видѣть какую нибудь пользу отъ этой компиляціи.

И. П.

— *Древняя Исторія Волынской губерніи*, служащая продолженіемъ первобытной (?) Исторіи народовъ Государства Россійскаго. Сочиненная Графомъ Іоанномъ Потоцкимъ. Россійскій переводъ издалъ Степанъ Руссовъ. СПб., въ т. К. Крайя. 1829. XII и 32 стр., in 12.

Нѣтъ ничего страннѣе подобныхъ Исторій. Разбирать, напримѣръ, описывая Смоленскъ: въ *Черниговской* или *Смоленской* губерніи жили *Меланхлены*; говорить объ Исторіи *Волынской губерніи*, и изъ Продопа, Тацита, Птолемея выбирать для этого основанія, не все-ли равно, что для Исторіи Петербургскаго Адмиралтейства писать изслѣдованіе о мореплаваніи Скандинавовъ и торговлѣ Финнкійцевъ янтаремъ по берегамъ Балтійскаго моря? Пора, пора оставить такія дѣтскія занятія! Кто хочетъ увидѣть всю пустоту, всю несообразность подобныхъ Историческихъ изслѣдованій, тотъ можетъ прочитать сочиненіе Потоцкаго, изданное въ переводѣ Г-мъ Руссовымъ. Для чего преимущественно перевелъ его Г-нъ Руссовъ? «Для того,» отвѣчаетъ Переводчикъ (стр. XII), «что оно *частію касается до Москвы, Калуги и*

другихъ Великороссійскихъ губерній, и паче, что оно служитъ *дополненіемъ Волынскихъ моихъ Записокъ*, изданныхъ въ 1809 году.» Простимъ авторскому чадолюбію!

— *Сокращеніе Скандинавской Мѳологіи*. Переводъ съ иностраннаго языка. Расположенный по Русскому алфавиту Степаномъ Руссовымъ. СПб., въ т. Крайя. 1829. 64 стр., in 12.

Правда, что на Русскомъ языкѣ мало писано было донынѣ о Скандинавской Мѳологіи; но книга, изд. Г-мъ Руссовымъ, не замѣняетъ сего недостатка. Что̀ понять изъ книжечки, въ которой краткія, едва понятныя объясненія лицъ Скандинавской Мѳологіи, разставлены по азбучному порядку? Хорошъ такой алфавитъ при книгѣ, въ которой систематически объясняется изслѣдываемый предметъ. И при томъ, можно-ли издавать въ нашъ вѣкъ ученыя сочиненія *такъ*, какъ Г-нъ Руссовъ издалъ свою книгу о Скандинавской Мѳологіи? *Переводъ съ иностраннаго языка*, говоритъ онъ, и дѣло кончено! Требуется, чтобы Переводчикъ сказалъ: съ *какого* именно языка, *какое* именно сочиненіе, *кто* его Авторъ, *чѣмъ* руководствовался этотъ Авторъ, знакомъ-ли онъ съ новыми изслѣдованіями о своемъ предметѣ? Вотъ условія, sine quâ non. Іоахимъ Лелевель недавно издалъ книгу, также о Скандинавской Мѳологіи, и также небольшую: совѣтуемъ почтенному Переводчику посмотрѣть на эту книжку. Названіе оной: Edda to jest księga religii dawnych Skandynawii mieszkańców (Вильно, 1828 г.). Пусть Г-нъ Руссовъ разсмотритъ книгу Г-на Лелевеля и узнаетъ, какъ дол-

жно издавать книги объ ученыхъ предметахъ. Не говоримъ о новѣйшихъ огромныхъ твореніяхъ, каково напримѣръ сочиненіе Финна Магнузена: Eddalocren og dens Oprindelse (Копенгагенъ, 1824—1826 г.), гдѣ Авторъ философически и филологически проливаетъ новый и яркій свѣтъ на предметъ свой (подробный разборъ сей книги читали мы въ The foreign Quarterly Review, Февр. 1828 г., стр. 210—243). — Несоблюденіе ученыхъ условій заставляетъ насъ думать, что Г-нъ Руссовъ перевелъ старую книжечку, еще Маллетовыхъ временъ: такъ подумаете, смотря на не-критическое и не-философическое изображеніе Скандинавской Мѳологіи, въ ней заключающееся.

— *Разныя свѣдѣнія о Россійской внѣшней торговлѣ.* СПб., въ т. Деп. вн. торговли. 1829. 142 стр., in 8.

Въ сей книжкѣ помѣщено 10 статей; исчисленіе оныхъ можетъ показать содержаніе книжки:

I. Хронологія достопамятныхъ происшествій и узаконеній, относящихся до Россійской торговли и народной промышленности. Съ 911-го по 1829-й годъ.—II. Краткое обозрѣніе о учрежденіи Государственной Коммерцъ-Коллегіи.—III. Списокъ Гг. Президентовъ Государственной Коммерцъ-Коллегіи, съ 1716-го по 1797-й годъ. — IV. Списокъ Гг. Министровъ, Президентовъ и Членовъ Коммерцъ-Коллегіи, съ 1796-го по 1811-й годъ. — V. Списокъ Гг. Министровъ Финансовъ, Директоровъ и Начальниковъ Отдѣленій Департамента Внѣшней Торговли, съ 1811-го по 1829-й годъ.—VI. Краткое обозрѣніе о учрежденіи Коммисій о коммерціи.—VII. Спи-

сокъ Гг. Членовъ Коммисій о коммерціи съ 1720-го по 1749-й годъ, и съ 1764-го по 1797-й годъ.—VIII. Списокъ Гг. Членовъ Коммисіи таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ съ 1819-го по 1828-й годъ. — IX. Таможенныя постановленія, существующія въ 1829 году, съ показаніемъ времени, когда оныя были изданы. — X. Роспись таможнямъ и заставамъ, съ означеніемъ званія ихъ, когда состоялись имъ штаты, по какимъ постановленіямъ дѣйствуютъ, какого округа и какой губерніи или области.

Для купца важна 9-я статья; для Статистика 10-я; для Историка всѣ вообще. Привязчивый критикъ могъ-бы только поспорить о нѣкоторыхъ мѣстахъ 1-й статьи. Онъ сказалъ-бы, напримѣръ, что Исторія Русской торговли вообще шитъ неполна удивительно, а въ древней, кромѣ того, едва-ли не на каждой строчкѣ ошибка. Гдѣ найденъ, напримѣръ, *торговый* договоръ Олега съ Греками? Если переданный намъ въ Несторовой Лѣтописи договоръ его названъ *торговымъ*, то почему онъ названъ *первымъ?* Далѣе, почему сказано, что Новгородъ въ 1164 г. вступилъ въ союзъ съ Ганзейскими городами, когда Новгородъ никогда не былъ въ Ганзейскомъ союзѣ, и когда самая Ганза основалась не прежде XIII вѣка? и проч. и проч.

— *Карманная книжка для любителей Русской старины и Словесности на* 1829 *годъ.* Издана В. Н. Олинымъ. СПб., въ т. Х. Гинца, 1829.—434 стр., in 16.

Еще альманахъ на 1829-й годъ, въ Августѣ мѣсяцѣ являющійся въ свѣтъ! Вѣроятно, опоздавая такимъ образомъ, по немногу, отъ надлежащаго времени, Гг. Издатели альманаховъ скоро будутъ

издавать свои книжки на 1809-й годъ. Мысль не плохая! Тогда-бы, напримѣръ, можно было поговорить о могуществѣ Наполеона, и, зная послѣдствія, вывести изъ этого множество прелюбопытныхъ догадокъ; тогда-бы можно было весьма основательно угадать появленіе Пушкина, и написать о *Цыганахъ* его презанимательную статейку въ проницательномъ духѣ. Если у насъ много людей, живущихъ заднимъ умомъ, то почему не попытаться пожить *умомъ переднимъ* (непростительный неологизмъ!)? Вообще, мы имѣемъ большія надежды на улучшеніе альманаховъ; а въ ожиданіи этого, займемся тѣмъ, что у насъ передъ глазами.

Г-нъ Олинъ сбирался издавать въ нынѣшнемъ году Журналъ, подъ какимъ заглавіемъ, не припомнимъ, но думаемъ, что читатели повѣрятъ нашему извѣстію, хотя и не вооруженному справками и ссылками на газетныя и журнальныя статьи. Публика не рѣшилась покупать преднамѣреннаго, а можетъ быть и *благонамѣреннаго* журнала Г-на Олина, и потому предпріятіе сіе не состоялось. Между тѣмъ, статей у Г-на Олина было подготовлено довольно, и онъ рѣшился превратить ихъ въ альманахи, ибо надѣется подарить Русскихъ читателей и на будущій годъ такою-же книжкою, какая продается теперь за 10 рублей. Слѣдовательно, у него было изъ чего выбирать? Посмотримъ, чѣмъ порадовалъ онъ на первый годъ своихъ читателей.

Проза, или Отдѣленіе первое, начинается *Похвальнымъ Словомъ* Государю Императору Александру

Первому, кажется произнесеннымъ въ какомъ нибудь торжественномъ собраніи, Г-мъ Профессоромъ С. Петербургскаго Университета Толмачевымъ. Это сочиненіе можно почесть и неначатымъ и неконченнымъ. Ораторъ не изобразилъ намъ Благословеннаго, и, какъ будто устрашившись великости своего предпріятія, испрашиваетъ позволенія прекратить Слово, гдѣ все еще шли приступы къ настоящему дѣлу. Мы думаемъ, что лучше было-бы не браться за то, что не по силамъ, и дивимся только тому, какъ достало духу у Г-на Толмачева обратить къ *Высокопочтеннымъ посѣтителямъ* столь несвязное Слово о великомъ предметѣ? — *Литтературная жизнь Гёте*, переведенная самимъ Издателемъ изъ Notice sur la vie et les ouvrages de Gœthe, сочиненной А. Стапферомъ. Неужели статья поверхностная, не новая, дурно переведенная (*), стоила того, чтобы помѣщать ее въ альманахѣ, гдѣ все должно отличаться и оригинальностью и свѣжестью содержанія? Неужели для перевода Русскаго недоступны оригинальныя За-

---

(*) Доказательства: « Подъ какою формою сталъ-бы онъ нынѣ *трактовать* предметъ, который-бы *не употреблялъ уже* прежде (стр. 43-я)? — Брисельское *вѣче* (стр. 41-я).—Такимъ-то образомъ *предуготовлялись* въ умѣ его, о чемъ еще не вѣдалъ онъ самъ, двѣ великія *консепціи* (стр. 52-я). — Въ семъ отношеніи, собственно Литтературномъ, Университетъ Геттингенскій *пріятно ему улыбался* (стр. 77-я),» и проч. Подобныя рѣдкости встрѣчаются на каждой страницѣ.

писки Гёте, названныя имъ Dichtung und Wahrheit, aus meinem Leben? Если Издатель хотѣлъ непремѣнно перевести что либо о жизни Гёте, то надобно было переводить изъ сей книги. Замѣтимъ, что въ переведенномъ отрывкѣ, Литтературная жизнь Гёте еще и не начиналась. — *Шесть статей*, переведенныхъ изъ Эверсовой Geschichte der Russen, заслуживали-бы благодарность, когда-бы онѣ были помѣщены не въ альманахѣ, и, главное, переведены почище. Г-нъ Переводчикъ пропускалъ въ переводѣ многія фразы подлинника и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣлалъ непростительныя ошибки. На стр. 103-й, онъ назвалъ часы — *стѣною*, и отъ того вышла нелѣпость. Вотъ переводъ: «Сербскій монахъ, Лазарь, *оградилъ* столицу Русскую первою *каменною стѣною* въ 1404-мъ году.» Вотъ подлинникъ: Mit der ersten *Thurmuhr* hatte ein servischer Mönch, Lasar, die Hauptstadt (1404) versehen.» Thurmuhr значитъ *башенные часы*. Ошибка сія тѣмъ удивительнѣе, что часы, сдѣланные Лазаремъ, извѣстны въ лѣтописяхъ нашихъ презамѣчательнымъ описаніемъ, которое мы приводимъ здѣсь вполнѣ: «Въ лѣто «6912, Индикта 12, Князь Великій замысли часъ«никъ и постави е на своемъ дворѣ за церковью «за Св. Благовѣщеньемъ. Сій же часникъ наречет«ся часомѣрье; на всякій-же часъ ударяетъ моло«томъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы «нощныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но «человѣковидно, самозвонно и самодвижно, странно«лѣпно нѣкако створено есть человѣческою хит«ростью, презмечтано и преухищрено. Мастеръ «же и художникъ сему бѣяше нѣкоторый Чернецъ,

«иже отъ Святыя горы пришедый; родомъ Сер-«бинъ, именемъ Лазарь: цѣна же сему бѣяше вящьше «полувтораста рублевъ.» — *Сельская ярмарка* (разсказъ Г-на Глѣбова). Слогъ и содержаніе сей повѣсти похожи на перегнанную воду: чисто, но безвкусно, а въ Литтературныхъ собраніяхъ вошло въ обычай угощать лимонадомъ и чаемъ, то есть чѣмъ нибудь острымъ, чтобы щекотило вкусъ. — *Листокъ изъ дорожныхъ записокъ Русскаго Офицера на обратномъ пути въ Россію.* Это мы читали уже въ Подснѣжникѣ. — *Султанскій Гаремъ въ Константинополѣ*, переводъ изъ Modenzeitung, гдѣ заимствовано сіе описаніе изъ стариннаго писателя, Мураджи д'Оссона. Потребно-ли тутъ больше словъ? — *Взглядъ на стихотвореніе А. Пушкина, подъ заглавіемъ: Цыганы.* Статья презабавная! Авторъ, какъ видно, хотѣлъ повеселить читателя, и достигъ своей цѣли. Предлагаемъ образчики его юморизма: «Я прочиталъ стихотвореніе Пушкина, подъ названіемъ: Цыганы,» говоритъ Авторъ. Пора! подумаетъ читатель: *Цыганы* напечатаны почти два года съ половиной назадъ. «Удивительно, что сначала произведеніе сіе (почему, не знаю) показалось мнѣ безобразнымъ, даже уродливымъ.» И мы не знаемъ, почему такъ показалось Автору, и можемъ повторить восклицаніе его: удивительно! Извѣстно однакожь, что въ кривомъ зеркалѣ всѣ предметы отражаются криво. Спросить-бы хоть у себя: отъ чего бываетъ это? «Впрочемъ, я не скоро рѣшился повѣрить себѣ: прочиталъ еще, со вниманіемъ, нѣсколько разъ (что?), и слѣдствіемъ послѣдняго чтенія было удовольствіе,

болѣе тѣмъ особенное. » Поздравляемъ! Наслу Богъ проспалъ! Только, что это за удовольствіе *болѣе тѣмъ особенное?* « Это отчасти убѣдило меня, что не всегда можно вѣрить первымъ впечатлѣніямъ. » Стоило хлопотать, чтобы выжать изъ умственнаго алембика такую великую истину! « И въ самомъ дѣлѣ оныя (впечатлѣнія) весьма часто зависятъ отъ множества причинъ посторонннихъ. » Разумѣется, но часто и отъ внутреннихъ, постоянныхъ причинъ, какъ напримѣръ кривое зеркало отражаетъ предметы на выворотъ отъ сородной оному кривизны. « Но обратимся къ дѣлу. » Пора! « Какъ назвать сіе стихотвореніе? » Вотъ это пошло уже *дѣло.* « Это не поэма, не повѣсть, это » — милліонъ простивъ одного, что читатели не угадаютъ, какъ опредѣлитъ свое *это* Авторъ! Это— « если смѣю такъ выразиться (о, помилуйте!) *нѣсколько блестящихъ выдержекъ изъ магическаго фонаря поэзіи: нѣсколько сценъ картинныхъ, плѣнительныхъ, ужасныхъ.* » Что можетъ быть яснѣе этого опредѣленія? Оно такъ вѣрно, какъ отраженія магическаго фонаря. Но мы должны-бъ были списать всю статью *о Цыганахъ*; если-бы вздумали показать проницательность, остроуміе Автора и умѣніе наговорить много и не сказать ничего. Одолжилъ онъ Автора *Цыганъ! — Мысли*, сочиненныя самимъ Авторомъ, не отличающіяся ни глубокостью взгляда, ни остроумнымъ выраженіемъ: онѣ годились-бы для печати лѣтъ двадцать пять назадъ. — *Кумова постеля*, повѣсть, заимствованная Г-мъ Олинымъ изъ суевѣрныхъ народныхъ разсказовъ, показываетъ, какъ богатъ Русскій міръ

поэтическими предметами и какъ дурно воспользовался ими Авторъ. Это, однакожь, лучшая статья Г-на Олина въ семъ альманахѣ.

Отдѣленіе второе. Стихи. Здѣсь можно замѣтить слѣдующее: *Отрывки изъ описательнаго стихотворенія Ѳ. Н. Глинки:* Карелія, обѣщаютъ хорошее произведеніе въ описательномъ родѣ. — *Меркурій на часахъ, или Парнасская застава*, комико-аллегорическій Дивертисментъ, сочиненный Княземъ А. А. Шаховскимъ, обиленъ рѣзкими прозаическими и довольно удачными стихами (*). — Водевильные куплеты, подъ которыми подписаны буквы Н. Х., чрезвычайно милы. Въ Сѣверной Пчелѣ были выписаны изъ оныхъ два отрывка, и мы жалѣемъ, что уже предупреждены въ семъ случаѣ. Надобно прибавить, что куплеты: *И что хорошаго въ васъ есть?* и *Вопросъ, что значитъ красота*, взяты изъ Водевиля: *Новый Парисъ*, недавно игранаго на Московскомъ Императорскомъ Театрѣ. Кажется, что куплетъ *о красотѣ* исковерканъ въ печати, и Авторъ онаго (Н. И. Хмельницкій) едвали будетъ благодаренъ за это Г-ну Олину. Можно еще указать на *Куплеты изъ Водевиль-балета: Девкаліоновъ потопъ, или Меркурій предъявитель*, сочиненіе Князя А. А. Шаховскаго, на *Нравоучительныя четверостишія*, изъ Вольтера переведенныя Княземъ П. А. Вяземскимъ, на два стихотворенія Ѳ. Н. Глинки: *Преложеніе изъ Пророка Іезекіиля* и *Разгульные*, и объ остальныхъ умолчатъ.

(*) Сочиненіе сіе было уже вполнѣ напечатано въ 10-й книжкѣ Аѳенея 1829 го года.

Наружность сего альманаха весьма опрятна: веленевая бумага, заглавный гравированный листокъ и два прекрасныхъ портрета достойны похвалы. Но мы готовы приложить снимокъ съ подлинной подписи Наполеона, въ доказательство, что приложенные при Карманной Книжкѣ Г-на Олина снимки съ подписей сего великаго завоевателя невѣрны нисколько. Это почеркъ какого нибудь отличнаго конторскаго краснописца, а не *бѣглые значки* бывшаго Императора Франціи, рѣшавшіе, въ свое время, судьбу царствъ и народовъ. Кромѣ сего приложены при сей книжкѣ снимки почерковъ Петра Великаго, Князя Пожарскаго и Гетмана Хмельницкаго.

— *Повременное изданіе* Императорской *Россійской Академіи*. Часть I. СПб., 1829., въ т. Россійской Академіи. 264 стр., in 8.

Академія Россійская обѣщала, нѣсколько времени назадъ, издавать повременное Изданіе, образцовое по слогу и выбору сшатей. Нынѣ является первая книжка сего Изданія. Содержаніе оной слѣдующее: *Проза*. 1-е, Краткое начертаніе о письменахъ Славянскихъ; переводъ съ Итальянскаго языка А. Ш. — 2-е, *О* сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ Ѳракійскихъ и Иллирійскихъ; сочиненіе Франциска Маріи Апендини. Переводъ съ Итал. А. Ш. — 3-е, Сѣтованіе Эдуарда Юнга. Ночь первая. Съ Англійск. перевелъ Кн. П. Ширинскій-Шихматовъ. *Стихотворенія*. 4-е, Преложеніе Псалмовъ: 8-го, 113-го и 144-го. Кн. Сергія Шихматова. — 5-е, Къ орлу Россіи. М. Лобанова. — 6-е, На кончину Князя

М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленскаго. Соч. Кн. П. Ширинскаго-Шихматова. — 7-е, Рауль синяя борода, *Перольтова сказка*, пер. Б. Ѳедорова.

— *Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія*, съ 1805 года, Николая Наз. Муравьева, Статсъ-Секр. Е. И. В. Тайн. Совѣт., Сенат. Почет. Чл. Императорскихъ: Росс. Академіи и Университетовъ: Московск. и Виленск., и Москов. Учен. Обществъ: Исторіи и Испытател. Природы. *Часть пятая* (*). СПб., 1829. въ т. Главнаго Штаба. 60 стр., in 8·

Первыя четыре части *Нѣкоторыхъ изъ забавъ отдохновенія*, при появленіи своемъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году, произвели довольно сильное впечатлѣніе. Всѣ удивлялись слогу и мыслямъ Автора. Въ изданной нынѣ 5-й части *Забавъ*, такой-же слогъ и такія-же мысли, какъ и въ первыхъ частяхъ. Для образца выписываемъ нѣсколько строкъ изъ статьи: *О всеобщемъ нравственномъ законѣ въ мірѣ* (стр. 25-я и 26-я).« *а. Предсказанія.* Суть мгновенно, отъ мгновеннаго внушенія, отъ мгновеннаго созерцанія, произнесеныя, напечатлѣнныя изрѣченія о будущемъ, того или другаго времени, той или другой вещи. *б. Гаданія*, *Предвѣщанія.* Суть выводки изъ обдуманнаго созерцанія предметовъ вещественныхъ, въ предопкровеніе имѣющаго или могущаго случиться въ извѣстное время и съ извѣстнымъ предметомъ. *в. Снавидѣнія.* Суть

(*) Сіе заглавіе и далѣе слѣдующія слова Автора списаны вѣрно съ подлинникомъ, даже въ знакахъ препинанія.

молчныя изображенія слова, большею частію иносказательныя указанія будущаго, или даже прошедшаго и отдаленнаго. *г. Предчувствія.* Суть внутреннія движенія духа, пріятныя или скучныя, о имѣющемъ совершиться событіи, пріятномъ или печальномъ для предчувствующаго. — И такъ предсказанія, предрѣченія, произтекаютъ отъ *возженнаго вдохновеніемъ* воображенія, быстрой мысли и пламеннаго движенія нравственной врожденности, или генія, и суть внушенія и указанія нравственнаго закона; ибо, что можетъ безъ него и напрасно существовать, нравственное или вещественное, при признаваемой нами премудрости и милосердіи *Всесильнаго* Творца вселенной? А что и предсказанія и пророчества не напрасно дѣлаютъ свои явленія, то много разъ испытанныя событія, ими предрѣченыя, доказываютъ.»

Всѣхъ статей въ сей части помѣщено семь. Вотъ названія ихъ: 1. *Нѣчто о воспитаніи.* 2. *Какая разница между* справедливости *и* правосудія? 3. *О замерзаніи водъ: рѣчной и Зельцерской въ* 1829-мъ г. 4. *О всеобщемъ нравственномъ законѣ въ мірѣ.* 5. *О народонаселеніи Лондона въ* 1829-*мъ году.* 6. *Разныя примѣчанія.* 7. *Нѣчто о солнцѣ и кометахъ.*

— *Краткая опись предметовъ,* составляющихъ Россійскій Музеумъ Павла Свиньина. 1829 г. СПб., въ т. К. Крайя. 138 стр., in 12.

— Catalogue abrégé du Cabinet national russe de Mr. Paul de Svignine. СПб., въ т. Х. Гинца. 1829. 106 стр., in 8.

П. П. Свиньинъ достоинъ совершенной признательности своихъ соотечественниковъ за благо-

родное стараніе его, открывать и показывать свѣту Русскія дарованія, Русскія достопамятности, Русскую природу. Если-бы у насъ было поболѣе такихъ патріотовъ, какъ Г-нъ Свиньинъ, то мы скоро узнали-бы много хорошаго, осужденнаго при настоящихъ обстоятельствахъ еще долго скрываться въ тѣни неизвѣстности. Сообразивъ средства человѣка частнаго, всегда ограниченныя, мы не можемъ не принесть дани удивленія успѣху Г-на Свиньина. Предметъ, избранный имъ: ближайшее познаніе Россіи и ознакомленіе Европы съ симъ великимъ колоссомъ, представляетъ множество затрудненій. Наша родовая, укрѣпляемая воспитаніемъ и обстоятельствами привычка — находить достойнымъ вниманія чужеземное и не видѣть своего хорошаго — заставляетъ истиннаго любителя осматривать и испытывать все лично, безъ всякаго посредничества. Для этого надобно употреблять большія издержки, жертвовать выгодами службы и другихъ занятій, и, наконецъ, трудиться, много трудиться. Г-нъ Свиньинъ сдѣлалъ все это. Болѣе десяти лѣтъ(съ 1816-го года), онъ почти постоянно каждое лѣто посвящалъ путешествіямъ по Россіи и успѣлъ осмотрѣть и описать почти всѣ достопамятныя мѣста великаго нашего отечества. Въ сихъ путешествіяхъ, и также въ Петербургѣ и Москвѣ, Г-нъ Свиньинъ приобрѣлъ множество рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ вещей, нынѣ составляющихъ его Музеумъ. Мы имѣли удовольствіе осматривать сіе, безъ увеличенія можно сказать, драгоцѣнное собраніе, и не могли не удивляться художественному отдѣленію онаго, тѣмъ

болѣе, что зная свое отечество не по-наслышкѣ и видѣвъ святую Русь почти подъ всѣми ея широтами, мы, говоря откровенно, не предполагали, чтобы въ нѣдрахъ ея скрывались художественныя произведенія, достойныя древнихъ Аѳинъ и новой Италіи. О богатствахъ природы Русской не нужно и упоминать. Сверхъ сего, Музеумъ Г-на Свиньина богатъ множествомъ различныхъ достопамятныхъ вещей. Завидуемъ жителямъ Петербурга: они имѣютъ въ своемъ городѣ драгоцѣнное собраніе Русскихъ достопамятностей, и съ книжкою въ рукахъ, о которой мы извѣщаемъ нашихъ читателей, могутъ узнать, касательно нашего отечества, многое, весьма многое, лучше нежели прочитавъ пятьдесятъ томовъ чужеземныхъ описаній Россіи. Гостепріимный обладатель Музеума радъ всякому благовоспитанному посѣтителю, желающему осмотрѣть его сокровища.

Мы не можемъ дашь, въ сей краткой статьѣ, надлежащаго понятія о Русскомъ Музеумѣ Г-на Свиньина. Однакожь, руководствуясь описаніемъ, упомянемъ о главныхъ раздѣленіяхъ и достопримѣчательностяхъ онаго.

Весь Музеумъ раздѣляется на восемь слѣдующихъ отдѣловъ: I-е, *Картины*. Ихъ 82, и всѣ писаны Русскими художниками. Въ числѣ сихъ послѣднихъ встрѣчаемъ знаменитыя и извѣстныя имена Варнака, Воробьева, Егорова, Кипренскаго, Лосенкова, Машвѣева, Орловскаго, Тропинина, Шебуева, Щедрина и многихъ другихъ. — II-е, *Изваянія*, изъ мрамора, бронзы, и произведенія фар-

форовыя, мозаическія, гранитныя, яшмовыя, изъ дерева, terre cuite, гипса, кости и проч. Среди ихъ красуется статуя изъ Каррарскаго мрамора, изображающая генія, которую почитаютъ лучшимъ произведеніемъ рѣзца Козловскаго. Достопамятенъ также мозаическій портретъ Петра Великаго, сдѣланный знаменитымъ Ломоносовымъ. Въ семъ отдѣлѣ находится еще величайшая достопамятность: трюмо изъ орѣховаго дерева, съ барельефами, превосходной отдѣлки, безцѣнное произведеніе державныхъ рукъ Петра Великаго. Всѣхъ изваяній и прочаго 59 нумеровъ. — III-е, *Миніатюры*, изъ коихъ многія превосходны и достопамятны: всѣхъ 30. — IV-е, *Старинное серебро*. Глядя на старинныя Русскія кубки, чарки, стопы, ендовы, переселяешься воображеніемъ къ добрымъ нашимъ предкамъ, и какъ-бы присутствуешь ихъ роскошеству и веселью. Всѣхъ вещей сего рода 63. — V-е, *Собраніе медалей* на разные случаи: золотыхъ 7, серебряныхъ 59, платинная 1. Тутъ-же находятся разные достопамятные знаки отличія, жетоны, древнія и старинныя медали и монеты. — VI-е, *Собраніе минераловъ*, расположенное по системѣ Вернера. Всѣхъ нумеровъ 415. Между ими находятся нѣкоторыя драгоцѣнности изъ царства ископаемыхъ, оцѣненныя знатоками въ 5000, въ 3000 и въ 1500 рублей. VII-е, *Библіотека*. Она состоитъ изъ рукописей и печатныхъ книгъ. Въ числѣ тѣхъ и другихъ находится нѣсколько рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ экземпляровъ. Таковы, напримѣръ: Грамата Владислава Ягеллона, Переписка Царя Іоанна Васильевича съ Императоромъ Максимиліа-

номъ I-мъ; рукописи Екатерины Великой, Ломоносова и проч. — VIII-е, *Воспоминанія*. Подъ симъ названіемъ въ Музеумѣ Г-на Свиньина храняться вещи, неотносящіяся къ первымъ семи отдѣламъ. Таковы напримѣръ: приборъ Математическихъ инструментовъ, которые употреблялъ учившись Математикѣ покойный Императоръ Александръ; гребень Царевны Софіи Алексѣевны; картина, писанная на паутинѣ; бронзовый образъ, найденный на Куликовомъ полѣ, и проч.

Изъ сихъ краткихъ *намековъ*, читатели могутъ видѣть богатство Русскаго Музеума Г-на Свиньина и понять важность и счастливое исполненіе предпріятія нашего почтеннаго Патріота.

— *Описаніе путешествія на Кавказъ*, предпринятаго въ 1628 году, по приказанію Царя Михаила Ѳеодоровича, для отысканія серебряной руды. Составлено изъ подлинныхъ документовъ и читано въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 10 Іюня 1829 года, Г-мъ Академикомъ, Статскимъ Совѣтникомъ Гамелемъ, по случаю отправленія Академіею ученой Экспедиціи на Кавказъ. Въ т. Академіи Наукъ. 16 стр. in 8.

Небольшая книжка сія особенно любопытна въ настоящее время, когда на Кавказѣ находится ученая Экспедиція, отправленная для изслѣдованія недоступной доселѣ природы Кавказскихъ горъ. Г. Гамель отыскалъ въ архивахъ весьма замѣчательное событіе: въ 1628 году, Князь Шишмахъ Канбулатовичъ Черкасскій извѣстилъ Царя, что въ Кабардѣ, на разстояніи шести дней пути отъ

города Терека, *лежитъ землица не велика, словетъ Та-абаста*, изобилующая серебряною и мѣдною рудою. Царь отправилъ туда Нѣмецкаго *рудознатца* и *золотознатца* Самуила Фрича и съ нимъ *лозоходца* или *рудокопца* Ивана Герольда, снабдивъ ихъ всѣми возможными средствами и поручивъ всю Экспедицію Терекскимъ Воеводамъ, Князю Дашкову и Приклонскому. Свирѣпствовавшая въ горахъ зараза и непріязненность Горцевъ помѣшали Экспедиціи проникнуть къ мѣсту руды, почему отправленъ былъ одинъ Коншовъ-Мурза, пріѣзжавшій къ Царю съ извѣстіемъ. Онъ привезъ около одного фунта руды, и Фричъ нашелъ, что она содержала въ себѣ $\frac{55}{100}$ долей свинца и серебра до 4-хъ золотниковъ во ста фунтахъ руды. Фричъ полагалъ, судя по образцу, что близъ сей руды должны быть еще руды серебряная, а можетъ быть и мѣдная. Но узнавъ, что Царь Русскій хочетъ производить добываніе руды въ Кабардѣ, тамошніе Князья рѣшились защищать ее оружіемъ. Между тѣмъ Фричъ и Герольдъ занимались важною работою, а именно, проведеніемъ въ городъ Терекъ прѣсной воды изъ рѣки Быстрой (нынѣшняго Терека). Г. Гамель подробно описываетъ сію работу, которая вскорѣ разрушилась. — 20 Марта 1629 года Царь приказалъ оставить дальнѣйшіе пріиски руды въ Кавказскихъ горахъ, потому что безъ помощи оружія не льзя было достигнуть цѣли. Г. Гамель оканчиваетъ сіе любопытное извѣстіе слѣдующими словами: «Желательно было-бы узнать, какіе нынѣ остались слѣды разрушеннаго за сто лѣтъ города Терека и предпринятыхъ по

близости онаго за двѣсти лѣтъ гидравлическихъ работъ, а именно: соединенія, посредствомъ каналовъ, рѣкъ Быстрой, Зеленой и Тюмени, и поняты-ли сіи мѣста еще понынѣ Каспійскимъ моремъ, какъ были въ половинѣ прошлаго столѣтія? Нѣкоторые, какъ извѣстно, утверждаютъ, что вода въ Каспійскомъ морѣ, періодически, то прибываетъ, то убываетъ. Но еще важнѣе было-бы изслѣдовать положеніе Кабардинской страны Табастъ, обратившей на себя уже за два столѣтія особенное вниманіе Царя Россійскаго и побудившей его къ отправленію туда нарочной Экспедиціи. Должно-бы разыскать: дѣйствительно-ли тамъ находится много богатой серебристой свинцовой, а можетъ быть и другихъ, обработки достойныхъ рудъ. Теперь неизвѣстно, была-ли сія страна послѣ 1628-го года ближе разсматриваема въ минералогическомъ отношеніи. Гильденштетъ и Рейнегсъ въ разныхъ мѣстахъ Кавказа нашли, не только серебристый свинцовый блескъ, но и богатыя мѣдныя, желѣзныя и цинковыя руды. Древніе повѣствуютъ много баснословнаго о неистощимыхъ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ Кавказа. На всякій случай, нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣдрахъ его заключаются большія сокровища, и можетъ быть скоро настанетъ время, когда они будутъ выведены наружу. Должно надѣяться, что предпринимаемая нынѣ со стороны Академіи ученая Экспедиція представитъ намъ и въ семъ отношеніи важныя поясненія.»

Сей трудъ Г-на ученаго Академика нашего заслуживаетъ искреннюю благодарность всѣхъ любознательныхъ людей.

— *Записки во время поѣздки изъ Астрахани на Кавказъ и въ Грузію*, въ 1827 году. Н... Н... М. 1829. Въ т. Селивановскаго. 198 стр. in 12.

Г-нъ неизвѣстный Авторъ описываетъ въ сей книгѣ много любопытнаго и замѣчательнаго. Взглядъ его вѣренъ, разсказъ вообще занимателенъ, слогъ хорошъ. Мы не можемъ повѣрять его описаній, но надѣемся, что человѣкъ просвѣщенный умѣлъ присоединить къ другимъ достоинствамъ своей книги и достовѣрность. Книга сія можетъ служить пособіемъ для путешественника и для географа.

СМѢСЬ.

Письма съ береговъ Лены.

III. Городъ Олекминскъ стоитъ на лѣвой сторонѣ Лены; рѣка-же Олекма впадаетъ въ оную ниже города, въ 12 верстахъ. Въ немъ считается около 60 домовъ и юртъ, расположенныхъ по двумъ прямымъ улицамъ. Строеніе хотя деревянное, но порядочное; есть и гостиный дворъ. Здѣшніе купцы торгуютъ преимущественно хлѣбомъ, соболями, лисицами и бѣлкою. Олекминскіе соболи считаются лучшими во всей Сибири, въ торговлѣ-же извѣстны подъ общимъ именемъ соболей *Якутскихъ*. Звѣри сіи ловятся преимуще-

ственно въ вершинахъ рѣки Олекмы, выпекающей, какъ и всѣ рѣки, впадающія съ правой стороны въ Лену, изъ Яблоннаго хребта. Соболи, ловимые на рѣкѣ Вилюѣ, почитаются самыми послѣдними.

Въ тысячѣ верстахъ отъ Олекминска, вверхъ по теченію рѣки Олекмы, находится примѣчательная рѣчка Жугжа, на которую въ началѣ зимы собираются Тунгусы, какъ для плашежа ясака, такъ и для вымѣна отъ Русскихъ разныхъ вещей за соболи. Путь на сію рѣчку совершается отъ Олекминска на однихъ и тѣхъ-же верховыхъ лошадяхъ, туда и обратно, и сопряженъ съ неимовѣрными затрудненіями: на всемъ пространствѣ нѣтъ ни одного селенія, ни кочевья; путешественники ѣдутъ только днемъ, на ночь-же останавливаются гдѣ нибудь на ровномъ мѣстѣ, пускаютъ лошадей искать подножнаго корму, или пощипать вершинокъ молодаго тальнику; а сами разгребаютъ снѣгъ, разводятъ огонь, строятъ шалашикъ, и подъ одѣялами и шубами проводятъ ночь при 40 градусныхъ морозахъ и сильныхъ вѣтрахъ. Но какъ здѣсь нѣтъ никакой дороги, кромѣ рѣки, покрытой часто преглубокимъ снѣгомъ, то бѣдныя лошади бредутъ по колѣно въ снѣгу, и на мѣстахъ, обнаженныхъ вѣтрами, безпрестанно падаютъ, потому что во всемъ Ленскомъ краю совсѣмъ не знаютъ, что̀ значитъ подковывать лошадь. Кромѣ сего, рѣка Олекма имѣетъ множество пороговъ; между камнями, отъ чрезвычайной быстроты, набивается большая пѣна, которая при наступленіи морозовъ замерзаетъ и образуетъ тонкій и рухлый ледъ, не подымающій лошади; счастіе путеше-

ственника, если онъ провалившись на такомъ льду, попадетъ на мѣлкое мѣсто; въ противномъ случаѣ гибель его неизбѣжна: рѣдкая зима проходитъ безъ несчастнаго происшествія; но всѣ опасности и затрудненія не въ силахъ однакожь остановить корыстолюбія и промышленности.

Русскіе удальцы XVII-го столѣтія, знаменитый Хабаровъ, и другіе, по сему пути пробрались до Амура, и наносили страхъ Имперіи Богдохана. Они, какъ видно изъ старинныхъ бумагъ, поднимались по Олекмѣ въ лодкахъ, бичевою, потомъ поворачивали въ рѣку Тугиръ и шли оною до Тугирскаго острога, куда достигали съ устья Олекмы не раньше семи недѣль пути; здѣсь шли пѣшіе черезъ Яблонный хребетъ до рѣки Амазура, по которой, на вновь построенныхъ судахъ, спускались въ Амуръ. Что̀ заставляло ихъ сражаться съ природою и Тунгусами, переносить всѣ тяжести пути, голодъ, болѣзни? Не повелѣнія Царя, не исполненіе приказаній Воеводы; нѣтъ: соболи и лисицы. Хабаровъ, какъ извѣстно, всю экспедицію, состоявшую изъ 150 человѣкъ, имѣлъ на собственномъ продовольствіи и въ первое лѣто своихъ завоеваній прислалъ Царю Московскому 120 сороковъ соболей, не считая лисицъ.

Здѣсь приличнымъ считаю сказать тебѣ, любезный другъ, нѣсколько словъ о соболѣ. Звѣрокъ сей походитъ на кошку; обитаетъ въ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ, по горамъ; гнѣздо дѣлаетъ подъ плитами; самка его раждаетъ по два дѣтенка, но сколько разъ въ лѣто, неизвѣстно, потому

что лѣтомъ ихъ не трогаютъ, и если-бы случилось Тунгусу найдти маленькаго соболя, онъ ни за что не возметъ его, почитая сіе тяжкимъ грѣхомъ. Соболь питается мышами, рябчиками, одолѣваетъ даже тетерева, если находитъ его на ночлегѣ, въ снѣгу; ловитъ бѣлку, и такъ золъ и прожорливъ, что застрѣленную и падающую на землю съ дерева, подхватываетъ на лету, на сажень отъ земли. Онъ проворенъ, быстръ и лукавъ: никакая собака не можетъ схватишь соболя; когда онъ взбѣжитъ на дерево, то прыгаетъ съ одного на другое, разстояніемъ сажень на пять. Естественно, что при таковыхъ качествахъ, онъ никому не достается въ пищу. Но Тунгусъ, Тунгусъ его непримиримый, вѣчный врагъ! Этотъ полудикій, лишь-бы попалъ на слѣдъ соболя, то звѣрь уже его: нѣсколько дней идетъ онъ по слѣду, ставитъ ловушки, или бьетъ звѣря изъ ружья, на деревѣ, куда обыкновенно загоняетъ соболя собака, и лишь чушь соболь оплошаетъ, Тунгусъ шлетъ въ него пулю изъ своей винтовки, которая, увы! никогда промаха не сдѣлаетъ. Шкуры убитыхъ соболей обыкновенно связываютъ по двадцати вмѣстѣ, и двѣ таковыхъ связки называются *сорочёкъ*. Лисицъ ловятъ луками, которыя ставятъ на тропинку, проложенную звѣремъ по снѣгу; бѣлку-же стрѣляютъ изъ винтовокъ, на деревахъ. Сей послѣдній звѣрокъ замѣчателенъ по своей плодливости: самка къ осени имѣетъ уже внуковъ, и бываетъ въ семействѣ своемъ сама-тридцата. Олекминская бѣлка считается лучшею, но уступаетъ Якутской и водится обыкновенно по ке-

дровымъ лѣсамъ. Упавшую съ кедра шишку съ орѣхами, покрытую на нѣсколько аршинъ снѣгомъ, узнаетъ бѣлка обоняніемъ, и достаетъ разгребая снѣгъ лапками; отъ урожая орѣховъ зависитъ изобиліе бѣлки. Въ хорошіе промыслы, Олекминскъ доставляетъ соболей около 40 сороковъ, лисицъ до 1000, бѣлки-же до 200,000.

Между жителями Олекминскаго округа существуетъ болѣзнь, или лучше сказать, привычка, одержимые которою называются *имеряками*, отъ Якутскаго слова: *Имерехъ*, что значитъ: *вздрагивать, бѣсноваться*. Болѣзнь сія обнаруживается тѣмъ, что если подлѣ имеряка крикнутъ, стукнутъ, или бросишь что нибудь, имерякъ пугается, начинаетъ кричать, или браниться, или кидается на людей, или дѣлаетъ тоже, отъ чего онъ испугался; даже кидается на свою тѣнь, если вдругъ увидитъ ее. Разсказываютъ много забавныхъ о нихъ анекдотовъ. Болѣзнь сія пристала къ Русскимъ отъ Якутовъ, и свирѣпствуетъ до береговъ Ледовитаго моря. Она, кажется, требуетъ медицинскаго и психологическаго изслѣдованія.

Въ Олекмѣ занимаются отчасти земледѣліемъ, но не каждое лѣто родится хлѣбъ: урожаю препятствуютъ ранніе морозы. Въ хорошіе годы, на мѣстахъ вновь распаханныхъ, ячмень родится самъ-сороковой. Дѣлаются опыты надъ посѣвомъ Гималайскаго ячменя, но по малому количеству присланныхъ зеренъ, производство сіе не получило еще важности.

Отъ Олекмы, горы, сопровождающія Лену, на-

чинаютъ уклоняться отъ береговъ, но рѣка чрезвычайно расширяется: въ одной трубѣ имѣетъ иногда верстъ 5 ширины; между островами-же, кои вообще плоски и покрыты мѣлкимъ тальникомъ, кажется не рѣкою, а степью. При такой величинѣ она малорыбна: одна *нельма* (бѣлая рыбица) составляетъ лакомый кусокъ жителя Лены. Я мечтаю о томъ, что если-бы Лена, вмѣсто поворота къ Сѣверному океану, продолжала течь на востокъ, въ Охотское море, какія-бы выгоды представила она нашей торговлѣ! Сообщенія съ Камчаткою, нашими Американскими селеніями, Китаемъ и даже Японіею получили-бы совсѣмъ другой видъ.

Н. Щ.

Якутскъ. 18 *Марта*
1829.

Русскій Театръ.

Инеса де Кастро или тайный бракъ, пантомимный Балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Пять свадебъ съ небольшимъ*, Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; *Четыре времени года*, Интермедія-дивертисманъ въ 4-хъ частяхъ (бенефисъ танцовщика и танцовщицы Г-на и Г-жи *Лобановыхъ*).

Мы часъ отъ часу дѣлаемся умнѣе, или по крайней мѣрѣ шагъ утверждаемъ. Со всѣмъ тѣмъ, мы безпрестанно обязаны рыться въ архивахъ, пере-

бирать остатки древностей и воспоминанія о давнопрошедшемъ, для поясненія того, что дѣлается въ наше время. Отъ чего это происходитъ? Отъ того, что все новое имѣло свое начало давнымъ давно. А не зная начала, не льзя систематически судить о послѣдствіяхъ. Всѣ отрасли наукъ и художествъ имѣютъ свою родословную, и мы, для опредѣленія законности, правъ, родства и отношеній каждаго изъ таковыхъ предметовъ, обязаны разбирать акты ихъ происхожденія. Дѣло идетъ о балетѣ. И такъ, да не поскучаютъ читатели, если я разверну предъ ними генеалогію сего зрѣлища. Къ счастію, она не восходитъ до временъ основанія Рима!

Вездѣ называютъ *Новерра* изобрѣтателемъ пантомимныхъ балетовъ; но это несправедливо. У насъ въ Россіи были пантомимные балеты, гораздо прежде нежели Новерръ задумалъ разсорить Германскаго Принца своими очаровательными зрѣлищами. Въ 1746-мъ году, во время бракосочетанія Великаго Князя Петра Ѳеодоровича съ Принцессою Ангальтъ-Цербстскою, въ послѣдствіи столь прославившею въ цѣломъ свѣтѣ имя Великія Екатерины, былъ представленъ въ Зимнемъ Дворцѣ пантомимный балетъ. Содержаніе онаго слѣдующее: Театръ представляетъ царство Флоры. Олицетворенная *Роза*, съ подругами своими *Амарантами* и *Ранонкулами*, изъявляетъ плясками, сколь пріятно ей быть подъ покровительствомъ богини цвѣтовъ. Платья танцовщицъ были сшиты изъ матерій, такихъ цвѣтовъ, какіе онѣ должны были представлять. Но вотъ приходитъ

Борей. Подруги Розы убѣгаютъ, и пышная любимица Флоры, не въ состояніи будучи вытерпѣть присутствія неистоваго спутника грознаго Эола, упадаетъ *на нѣкоего рода зелень*, какъ сказано въ программѣ. Борей торжествуетъ свою побѣду танцами, *выражающими* его силу и неучтивую радость. И въ самомъ дѣлѣ! Можно-ли радоваться погубленію прелестнаго цвѣтка!... Борей удаляется, а Флора, узнавши о бѣдствіи, постигнувшемъ ея фаворитку, является съ Зефиромъ, который нѣжнымъ своимъ вліяніемъ оживляетъ бѣдную Розу. Флора приказываетъ Зефиру быть въ вѣчной дружбѣ съ прекраснымъ цвѣткомъ, и тѣмъ балъ кончится! Роль Борея занималъ Французскій актеръ и балетмейстеръ *Дюшольмонтъ* (Duchaulmont), а Розу представляла знаменитая того времени танцовщица и наша соотечественница *Аксинья*. Не взыщите, почтенные читатели! Встарину театральныхъ героинь называли не по фамиліи, а просто именемъ, даннымъ при Святомъ крещеніи, и даже въ уменьшительномъ видѣ, на пр. *Аксюткою*. Подробное описаніе сего зрѣлища, состоявшаго изъ вышеупомянутаго балета и трехъ Французскихъ пьесъ, было напечатано въ тоже время при Императорской Академіи Наукъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Новерру, танцовщику Большой Парижской Оперы, наскучило выходить на сцену въ Венеціянской маскѣ, въ огромномъ парикѣ со множествомъ кудрей, въ длинномъ шлафномъ плашѣ съ небольшими *бочками* и въ башмакахъ съ пряжками и большими бантами. Таковъ былъ характерный костюмъ тогдашнихъ оперныхъ тан-

ловщиковъ. Вся должность ихъ состояла въ томъ, чтобы въ первомъ и въ послѣднемъ дѣйствіяхъ оперы, по данному сигналу капельмейстеромъ, выходить на сцену мѣрными шагами, спать въ позитуру, протанцовать нѣчто въ родѣ менуэта, сдѣлать нѣсколько пируэтовъ и одно большое антраша *въ восемь* или *въ десять*. А если случится медленно и съ граціею сдѣлать *вытяжное па* (déployement), состоящее въ подняніи ноги параллельно съ горизонтомъ, или даже носка на равной высотѣ съ плечомъ, то получить за сей, нынѣ столь обыкновенный подвигъ, громкія рукоплесканія и убраться за кулисы съ новопожатыми лаврами. Новерръ тогда-же написалъ краснорѣчивое и убѣдительное письмо, которое любопытные читатели могутъ найдти въ его Запискахъ, изданныхъ сорокъ лѣтъ спустя. Въ семъ письмѣ доказывалъ онъ, что кукольная комедія того времени, называвшаяся балетомъ, не исполняетъ назначенія танцовальнаго искуства, способнаго выражать душевныя ощущенія, ибо оно естественнымъ образомъ сопряжено съ измѣненіями физіономіи и съ выразительными мѣлоположеніями пластическаго искуства Древнихъ, въ чемъ и ссылался на Историческія преданія о Римскихъ мимикахъ. Но его витійство не помогло, и проклятое: *такъ уже принято*! было убѣдительнѣйшимъ возраженіемъ балетной труппы и дирекціи Большой Оперы. Новерръ, сколь ни былъ огорченъ симъ упорствомъ своихъ товарищей, не отчаялся въ исполненіи своего предпріятія, и, по примѣру всѣхъ отважныхъ искателей лучшаго, отправился въ чужія страны, съ надеждою, что

онъ найдетъ въ подлунной такое мѣсто, гдѣ можетъ привести въ дѣйствіе свое намѣреніе. Путь его былъ не далекъ. Въ Штутгардѣ, при великолѣпномъ дворѣ Курфирста Виртембергскаго, онъ нашелъ поприще для своего генія. Предложеніе его было принято; образована многочисленная балетная труппа; не жалѣя издержекъ, выписанъ знаменитый декораторъ *Сервандони*, и гордый Парижъ былъ изумленъ извѣстіями объ очаровательныхъ зрѣлищахъ, представляемыхъ въ небольшомъ Германскомъ городѣ. Преданія о пышныхъ празднествахъ двора Людовика XIV-го затмились описаніями великолѣпныхъ балетовъ Новерра. Парижъ и Версаль изумились, и славный Вестрисъ (отецъ знаменитаго танцовщика послѣдней половины 18-го столѣтія) былъ посланъ за Рейнъ, для повѣрки на мѣстѣ всѣхъ разсказываемыхъ чудесъ. Гордый Итальянецъ, съ такою увѣренностью говорившій: Во всей Европѣ только трое могутъ назваться великими людьми: Король Прусскій, Вольтеръ, и я, т. е. Вестрисъ, былъ до такой степени очарованъ новыми зрѣлищами Штутгардскаго театра, что по возвращеніи въ Парижъ, онъ объявилъ себя отъявленнымъ врагомъ Венеціянскихъ масокъ и большихъ париковъ, и сдѣлался ревностнымъ партизаномъ Новерра. При таковой вѣсти, всѣ Парижскія головы пришли въ волненіе и начальство надъ Королевскими забавами (les menus plaisirs) принуждено было выписать Новерра, который согласился на сей вызовъ тѣмъ охотнѣе, что разстроенные финансы Германскаго Курфиршества начали препятствовать исполне-

нію новыхъ балетныхъ зашѣй. Въ 1770-мъ году, Новерръ, въ званіи балетмейстера Большой Оперы, поставилъ въ Парижѣ первый пантомимный балетъ, въ приличныхъ костюмахъ, безъ масокъ и безъ париковъ. Медея и Язонъ явились на сцену безъ словъ, къ сильной досадѣ приверженцевъ старины и къ восхищенію многочисленныхъ партерныхъ знатоковъ, у которыхъ во время представленія пудра слетала съ *голубиныхъ крылышекъ* (ailes de pigeon), отъ сильнаго біенія въ ладоши. Новерръ восторжествовалъ! Жрецы Мельпомены, обладавшіе сокровищами Корнеля, Расина и Вольтера, возопіяли противъ такъ называемыхъ похищеній и татьбы плясуна Новерра, который осмѣливался знаменитыя произведенія трагиковъ представлять прыжками и пируэтами. И подлинно было за что разгнѣваться! Легкомысленные Парижане сдѣлались въ то время гораздо внимательнѣе къ танцамъ Горація-Гарделя и Кампллы-Генель, нежели къ звучной декламаціи Горація-Лекеня и Камиллы-Вестрисъ! Но ни жалобы, ни интриги не помогли. Балетъ Новерра, и, почти въ то-же время появившіяся оперы Глюкка и Пиччини произвели выгодную для Большой Оперы революцію. И Дворъ и публика начали исправно посѣщать сей театръ, давно уже наводившій дремоту *Классическими* операми Люлли, Рамо, Франкера, Мондовиля и другихъ композиторовъ. Торжество Новерра не ограничилось успѣхами въ одномъ Парижѣ. На знатнѣйшихъ Европейскихъ театрахъ начали представлять его балеты, и, какъ водится, онъ нашелъ множество послѣдователей и подражателей, въ особенности между Итальянцами.

Если каждый отважный геній, предпріемлющій введеніе чего либо новаго, долженъ испытать трудность борьбы съ предразсудками и встрѣчать на каждомъ шагу препятствія и огорченія, то и въ семъ случаѣ не льзя жаловаться на судьбу, которая, по видимому, самымъ благимъ намѣреніямъ вездѣ полагаетъ препоны и убиваетъ духъ безпрестанными неудачами. Эти самыя неудачи даютъ время созрѣть хорошей и полезной мысли, родившейся въ головѣ нововводителя, и выполненіе оной проявляется уже не въ попыткахъ, нерѣдко очень неудачныхъ, но въ полномъ блескѣ совершенства. Такъ случилось и съ Новерромъ. Онъ постигнулъ тайну древняго и потерянаго искуства мимиковъ. Онъ хотѣлъ приноровить оное къ состоянію танцовальнаго ремесла. Онъ вознамѣрился дать выразительный языкъ тѣлодвиженіямъ и прыжкамъ, и успѣлъ въ трудномъ, и по видимому невозможномъ предпріятіи. Въ балетахъ Новерра было такое краснорѣчіе, такая поэзія, что самые угрюмые ненавистники свѣтскихъ забавъ, самые глубокомысленные изыскатели тайныхъ дѣйствій природы нравственной и физической, увлекались произведеніями знаменитаго балетмейстера и находили оныя совершенно достигшими своей цѣли. Эти балеты, о коихъ нынѣ даютъ намъ понятіе очаровательныя сочиненія Диндло, соединяли въ себѣ все, что можетъ плѣнять воображеніе, съ помощію одного только чувства — зрѣнія. Декораціи, костюмы, выразительные жесты, плѣнительныя группы, а болѣе всего связь цѣлаго, приличность каждаго движенія, каждаго

па, строгая разсчетливость въ каждомъ положеніи артиста, дѣлали изъ сихъ балетовъ движущіяся картины или лучше сказать поэмы. Новерра можно назвать Рафаэлемъ и даже Гомеромъ Хореографіи. Въ этомъ сознаются всѣ, видѣвшіе его произведенія, имъ самимъ обставленныя. Въ послѣдствіи времени балетное искуство начало уклоняться отъ блистательнаго своего назначенія, и вмѣсто нѣмой, но выразительной поэзіи, превратилось въ утомительное, однообразное гимнастическое упражненіе. У Новерра танцы и пантомима были въ той-же тѣсной связи, въ какой при игрѣ на форшепіано бываютъ правая и лѣвая рука. Нынѣ, пантомима состоитъ въ свободномъ расхаживаніи по сценѣ и произвольномъ размахиваніи руками; танцы-же совершенно не связаны съ дѣйствіями, а вставляются въ балеты для показанія ловкости и проворства танцовщиковъ. Словомъ, балеты сдѣлались тѣмъ, чѣмъ были они прежде Новерра, хотя и въ другомъ видѣ. Тогда маски, парики и фижмы мѣшали придавать выразительность танцовальному искуству, нынѣ препятствуютъ сему высокіе прыжки, быстрыя движенія и чрезъ чуръ усиленное дѣйствіе ногами. Разсмотримъ причины сего упадка танцовальнаго искуства.

Всѣ онѣ заключаются въ необычайной степени совершенства, до коей достигли нѣкоторые танцоры. Еще во времена Новерра, юный Вестрисъ, одаренный необычайною легкостью, началъ уклоняться отъ старинной, степенной методы танцованія. Но отецъ его, *великій* Вестрисъ, какъ

онъ самъ себя называлъ (*), удерживалъ своего сына въ должныхъ предѣлахъ и не позволялъ его быстрымъ ногамъ слишкомъ *романтизировать* (виновать!). Вестрисъ, съ необычайнымъ искуствомъ въ шанцахъ, соединялъ превосходную мимику. Но путь его былъ проложенъ, и за послѣдователями дѣло не стало. Послѣ двадцатилѣтняго первенства надъ рѣзвыми жрецами Терпсихоры, Вестрисъ нашелъ противника, который совершенно затмилъ его. Это былъ молодой Дюпоръ, малорослый, худощавый, съ козлиными ногами. Его высокіе прыжки, его *бѣсовскіе* пируэты, вскружили головы Французовъ. Они съѣзжались въ театръ для того, чтобы смотрѣть, не балетъ, а Дюпора. Со всѣмъ тѣмъ, доколѣ Парижская балетная труппа была въ вѣдѣніи Гарделя, балеты все таки были занимательны и танцовщики обязаны были содѣйствовать гармоніи цѣлаго (это до сихъ поръ сохранилось въ Петербургѣ, подъ управленіемъ не-

---

(*) Когда тринадцатилѣтній Вестрисъ долженъ былъ дебютировать на сценѣ Большой Оперы, то отецъ самъ вывелъ его предъ публику, почтительно поклонился оной, и произнесъ большую рѣчь исковерканнымъ Французскимъ языкомъ, въ коей просилъ присутствующихъ обратить вниманіе на таланты преемника его имени и славы. Окончивши привѣтствіе, онъ обратился къ сыну, и съ гордымъ видомъ сказалъ: «Теперь, сынъ мой! поддержи честь твоего *знаменитаго происхожденія*!!» Молодой Вестрисъ былъ незаконнорожденный сынъ танцовщицы Алларъ (Allard).

подражаемаго Дидло). Но когда Гардель, по причинѣ старости, удалился отъ театра, прыгунъ *Поль* совершенно перемѣнилъ танцовальное искусство. Прыжки, похожіе на saltomortali Италіянскихъ фигляровъ, замѣнили прежнюю ловкость и грацію, а съ ними пропала и мимика. Теперь пусть разсудятъ сами читатели, возможно-ли, чтобы танцовщикъ, послѣ утомительнаго па, составленнаго изъ скачковъ, требующихъ силы атлета, танцовщикъ, который едва переводитъ духъ отъ усталости и безпрестанно обязанъ утирать потъ, льющійся градомъ съ лица, могъ выражать что либо физіономіею и жестами? Пантомима требуетъ такого-же изученія, какъ и словесная роль. Но когда-же актеру балетной труппы заняться этимъ изученіемъ, если онъ, для одного механическаго исполненія своего искусства, обязанъ каждый день выламывать свои члены, коверкаться предъ зеркаломъ какъ труженикъ кающійся, и, послѣ сего приготовленія, отдыхать, лежа неподвижно? Отъ этихъ насильныхъ работъ, балеты сдѣлались такъ единообразны, что кто видѣлъ два или три произведенія сего рода, можетъ имѣть понятіе о всѣхъ другихъ. Умѣренность во всемъ необходима. Излишнее напряженіе силъ физическихъ и умственныхъ естественнымъ образомъ истощаетъ оныя и утомляетъ, какъ работника, такъ и того, кто желаетъ насладиться сею работою. Въ Парижѣ видѣлъ я двухъ знаменитыхъ танцовщицъ: Гардель и Клотильдъ. Одной было въ то время болѣе, а другой около сорока лѣтъ. Обѣ танцовали съ такою легкостью и съ такою пріятностью, что въ

глазахъ партерныхъ старожиловъ онѣ казались нестарѣющими и вѣчно-юными. Посмотримъ, на долго-ли станетъ искуства нашихъ танцорокъ!...

Нынѣ, Московскіе балеты, по искуству нашей труппы, по великолѣпію декорацій и костюмовъ, и по удобности обширной сцены здѣшняго театра, могутъ удовлетворить требованіямъ самаго взыскательнаго хореографа. Но любитель сценическаго искуства не долго будетъ восхищаться сими зрѣлищами. Ему извѣстно, что услажденіе каждаго чувства можетъ дѣйствовать на душу. Но чѣмъ-же услаждается его зрѣніе, когда онъ смотритъ на наши балеты? Онъ подивится проворству и силѣ танцующихъ: вотъ и все! Я видѣлъ знаменитѣйшіе балеты Европейскихъ театровъ, и скажу откровенно, что въ моихъ глазахъ, недавно представленныя здѣсь арлекинады Кіариніевой труппы имѣютъ гораздо болѣе живости, дѣйствія, занимательности и разнообразія, нежели утомительные наши grands ballets pantomimes. Пусть зовутъ меня варваромъ! А я, въ подтвержденіе сказаннаго мною, имѣю честь донести, что въ упомянутыхъ арлекинскихъ фарсахъ исполнялась нѣкоторымъ образомъ цѣль пантомимы, между тѣмъ какъ въ новѣйшихъ балетахъ все принесено въ жертву пируэтамъ, brisés, ronds de jambes en l'air, и прочимъ хитростямъ. Dixi (*)!

(*) Я увѣренъ, что образованные читатели поймутъ меня и догадаются, что я не подвергаю сему осужденію такіе балеты, каковы: Зефиръ и Флора,

Балетъ: Инеса де Кастро, былъ представленъ въ первый разъ, если не въ самой Москвѣ, то въ близкомъ разстояніи отъ оной, въ Кусковѣ, 1-го Августа 1790-го года, во время празднества, даннаго покойнымъ Графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ. Въ ономъ участвовала собственная труппа вельможи, подъ надзоромъ самого композитера. Не бывши свидѣтелями сего зрѣлища, не можемъ утверждать, похоже-ли было оное на то, о коемъ нынѣ увѣдомляемъ публику. Записки того времени гласятъ, что балетъ былъ очарователенъ. Можетъ быть! Только мы, люди новѣйшаго поколѣнія, не нашли ничего очаровательнаго въ семъ произведеніи *Конціани*, вновь поставленномъ Г. *Глушковскимъ*. — Знаменитый Новерръ (на котораго все таки должно ссылаться) говоритъ, что балетмейстеръ сочиняетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ сочинять, не въ кабинетѣ, не на бумагѣ, а на сценѣ; что воображеніе его воспламеняется по мѣрѣ видимаго дѣйствія; что мысли его родятся при каждомъ движеніи подвластныхъ ему танцовщиковъ, и нако-

---

Калифъ Багдадскій, Рауль де Креки, Венгерская хижина (хотя и въ жалкомъ видѣ обставленная), Полифемъ, и... еще не припомню, да и припоминать нечего. Сіи произведенія, въ полномъ смыслѣ, дѣлаютъ честь ихъ сочинителямъ и доставляютъ истинное удовольствіе зрителямъ занимательностью содержанія и искусными картинами. Всѣмъ прочимъ балетамъ можно было-бы дать чистую отставку, послѣ третьяго представленія.

нецъ, что дознанныя способности и искуство каждаго изъ нихъ бываютъ источниками тысячи прекрасныхъ явленій, о коихъ самъ авторъ не помышлялъ наединѣ. Да позволено будетъ намъ въ семъ случаѣ слѣпо вѣрить Новерру и знаменитому его ученику Дидло! У насъ въ Москвѣ, самый неутомимый поставщикъ *чужихъ* балетовъ есть Г. Глушковскій. Какъ только наступитъ время его бенефиса, глядишь... готово какое нибудь новое произведеніе Дидло, выставленное въ такомъ видѣ, что всѣ знакомые съ сочиненіями знаменитаго балетмейстера пожимаютъ плечами, подобно читателямъ, вздыхающимъ надъ плохими переводами извѣстныхъ имъ подлинниковъ. Мы не можемъ сказать утвердительно, хорошъ-ли балетъ Инеса де Кастро въ настоящемъ видѣ, но смѣло говоримъ, что зрѣлище, подъ симъ названіемъ выставленное Г. Глушковскимъ, заставитъ всякаго зѣвать. Ни искуство нашей балетной труппы, ни прекрасная игра Г-жи Гюллень, ни ловкость Г. Ришарда, ни великолѣпныя (хотя и устарѣвшія) декораціи Г. Брауна, ничто не выкупаетъ скуки, наносимой балетомъ безъ связи, наполненнымъ самыми смѣшными несообразностями. Такъ напримѣръ, когда народъ, въ присутствіи Короля и Королевы, торжествуетъ возвращеніе Донъ Педра, ихъ Величества приказываютъ наслѣднику престола проплясать съ будущею невѣстою на площади! Каждый изъ зрителей пожалѣетъ о бѣдномъ Принцѣ, который послѣ походовъ и военныхъ подвиговъ долженъ тѣшить народъ прыжками. Въ хорошихъ балетахъ этого не бываетъ. Въ нихъ танцы принад-

лежашъ къ дѣйствію; а въ вышеупомянутомъ балетѣ, пляска Г. Ришарда съ Г-жами Гюллень и Ворониной—Ивановой, была вставлена ошъ нечего дѣлашь. — Еще одно замѣчаніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отличнѣйшихъ шанцовщицъ, многочисленная толпа Московскихъ жрицъ Терпсихоры является на сцену и шанцуетъ съ такими физіономіями, которыя напоминаютъ ушружденныхъ работницъ на фабрикахъ. Это шѣмъ досаднѣе, что большая часть изъ нихъ очень хороши собою. Неужели такъ трудно придашь веселость и выразительность лицу, въ продолженіе искусной работы ногами? Этимъ умѣньемъ, приличнымъ и свойственнымъ прекрасному полу, не пренебрегаютъ шанцовщицы другихъ театровъ. Кто бывалъ, не только въ чужихъ краяхъ, но хотя въ Петербургѣ, шотъ подтвердитъ вышесказанное.

Водевиль, *Пять свадебъ съ небольшимъ*, можно назвать очень пріятною бездѣлкою, которая, право не уступаетъ многимъ иноземнымъ произведеніямъ сего рода. Содержаніе оной слѣдующее: Пятеро молодцовъ влюблены въ такое-же число воспитанницъ пансіона, завѣдываемаго строгою и бойкою надзирательницею. Въ числѣ оныхъ красавицъ находится питомица Губернатора, а въ числѣ любовниковъ сынъ Его Превосходительства. По просьбѣ начальницы, Губернаторъ, въ устраненіе любовныхъ казусовъ, могущихъ произойдти въ загородномъ пансіонѣ, обѣщаетъ прислать караулъ, состоящій изъ шести инвалидовъ. Какъ водится, любовники узнали объ этомъ, караулъ пришелъ, и мадамъ-начальница, успокоенная на

счетъ безопасности своего заведенія, уѣхала въ городъ, съ дорогимъ супругомъ, образцемъ смирныхъ мужей. Молодые волокиты не замедлили подружиться съ преклонными воинами и предложили имъ выпить вина, что, по обыкновенію, и было принято съ удовольствіемъ. Полуразвалившаяся караульня содѣлалась мѣстомъ дружеской попойки. Вина принесено вдоволь, и ветераны, по старости лѣтъ, охмѣлѣли прежде бойкихъ молодцовъ, болѣе упоенныхъ любовною страстью. Но эта самая страсть возобновилась въ одномъ изъ престарѣлыхъ воиновъ, который, оставшись на часахъ, вспомнилъ, что онъ уже тридцать лѣтъ влюбленъ въ экономку пансіона. Увядшая Дульцинея также замѣтила своего вздыхателя, и оставивши ввѣренныхъ ея надзору дѣвицъ, пришла на свиданіе съ своимъ обожателемъ. Между тѣмъ молодцы, перепоивши весь караулъ и убѣдивши солдатъ снять мундиры, по причинѣ жару, вышли изъ караульни и застали въ нѣжныхъ переговорахъ двухъ обветшалыхъ любовниковъ. Само собою разумѣется, что это послужило удачнымъ средствомъ къ исполненію интриги. Дѣвицъ увезли. Начальница пансіона, по возвращеніи изъ города надѣлала шуму. Пріѣхавшій вслѣдъ за нею Губернаторъ былъ привѣтствованъ пьянымъ карауломъ, безъ мундировъ. За бѣглецами послали погоню, и... кончилось тѣмъ-же, чѣмъ и всѣ пьесы. Начальница убѣдилась въ той истинѣ, что воспитанницъ, однажды увезенныхъ, не годится держать въ пансіонѣ, а Губернаторъ согласился съ тѣмъ, что свадьба необходима въ концѣ водевиля. Эта шутка давно уже

сочинена Г. Малышевымъ, режиссёромъ здѣшняго театра. Только должно признаться, что онъ не исполнилъ своей обязанности на счетъ обстановки пьесы, которая была разыграна очень плохо. Господа любовники и Госпожи любовницы не знали своихъ ролей (вѣроятно отъ сильной страсти) и часто играли въ молчанку, не обращая вниманія на усилія суфлера. Отдадимъ по крайней мѣрѣ справедливость Г-жѣ Кавалеровой, которая мастерски сыграла небольшую роль начальницы пансіона. Г-нъ Живокини также былъ очень хорошъ въ сценѣ любовнаго свиданія съ старою экономкою (Г-жею Кураевою). Жаль очень, что онъ много прибавлялъ своего, и не впопадъ. Желательно, чтобы хорошіе актеры дополняли иногда мысли Автора, какъ и дѣлаетъ не рѣдко Г. Щепкинъ, но это желаніе относится только къ отличнымъ и опытнымъ артистамъ.

Интермедія-водевиль: *Четыре времени года*, такъ упомянсльна, что мы не намѣрены даже утомлять читателей извѣстіемъ объ оной.

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

Извѣстіе изъ губернскаго города.

Наконецъ, любезный Живописецъ, нашъ городъ перестанетъ завидовать другимъ городамъ, ибо среди его, вчерашній день, торжественно открыто пристанище страждущему человѣчеству, великолѣпный храмъ богинѣ Гигеѣ и богу Эскулапу, или, говоря не въ Греческомъ духѣ, огромная больница, зданіе величественное, дѣлающее честь зодчему, основателю и попечителямъ. Вы знаете, что здѣшній купецъ Добряковъ оставилъ по духовной полъмиліона рублей на устройство благотворительныхъ заведеній. Душеприкащиками его были назначены: купецъ *Полоротовъ*, Коллежскій Секретарь *Прибирохинъ* и помѣщикъ *Щелкопёровъ*. Правду вамъ сказать, первый душеприкащикъ простоватъ, другой плутоватъ, а третій такой охотникъ, что его почти никогда не найдешь въ городѣ: все пор-

скаетъ съ собаками, и даже со сна кричитъ: *ату его, ату его!* Но Добряковъ говорилъ, что онъ на нихъ полагается, ибо Полоротовъ глупъ, но добръ; Прибирохинъ плутъ, но уменъ; Щелкопёровъ пустъ, но честенъ. «Я соединяю,» говорилъ Добряковъ, «доброту, умъ и честность.» Такъ онъ думалъ, а вышло не такъ, и оказалось, что онъ впрягалъ въ одинъ возъ щуку, рака и лебедя. Съ перваго совѣта душеприкащиковъ начались разнорѣчія, и вотъ что было къ нимъ поводомъ. Въ бумагахъ Добрякова нашли письмо, въ которомъ говоритъ онъ такъ:

«Хочу, чтобы деньги мои шли точно на пользу человѣчества, и потому прошу, чтобы какъ можно менѣе было блеска и пышности, и какъ можно болѣе пользы. Постройте зданіе въ одинъ этажъ, простое, прочное, въ удаленномъ мѣстѣ города; устройте въ немъ болѣе кроватей, менѣе корридоровъ и залъ. Торжественной залы чтобы ни одной не было. Учредите, чтобы кромѣ больницы, всегда бѣдному были тутъ раздаваемы чашка щей, кусокъ хлѣба и кружка квасу. Мнѣ памятника не воздвигайте, ибо слеза спасеннаго отъ смерти, и улыбка накормленнаго бѣдняка будутъ для моего праха памятникомъ, болѣе пріятнымъ, нежели гробница мраморная,» и проч., и проч.

Согласитесь, мой милый, что это достойно XV-го вѣка, а не нашего? Что̀ за грубая простота, что̀ за мужицкія мысли! Полоротовъ было и заспорилъ, но его переспорили, ибо: 1-е, если Добряковъ хотѣлъ дѣлать по своему, то зачѣмъ онъ не дѣлалъ при себѣ? 2-е, письмо не засвидѣ-

тельствованное — простая бумага, а въ духовной, о томъ *какъ* распоряжаться, нѣтъ ни словечка. Споръ тянулся *три года*, а между тѣмъ, обеспечивъ пятью домами, двумя садами и другимъ имѣньишкомъ, нажитымъ во время 20-ти лѣтней бытности Секретаремъ Гражданской Палаты, Прибирохинъ держалъ капиталъ у себя. Наконецъ согласились: уничтожить распоряженіе завѣщателя, и устроить все сообразно нынѣшнему просвѣщенію и образованности. Положено:

1-е, Построить домъ, достойный величія губернскаго нашего города, и на немъ надписать: *Больница для страждущихъ собратій, устроенная благотворительнымъ гражданиномъ Добряковымъ.*

2-е, Поставить ему мраморный обелискъ передъ домомъ, съ надписью, и съ слѣдующими стихами, которые сочинилъ Учитель Поэзіи въ здѣшней Гимназіи, Г-нъ Рифмоплясовъ:

« Говарда Русскихъ странъ сей памятникъ напоминаетъ,
« Который въ семъ зданіи себя весьма являетъ;
« Смотри, что Россъ всегда способенъ произвесть —
« Онъ славу приобрѣлъ и согражданамъ честь! »

3-е, Учредить Директора, Правленіе больницы и штатъ медиковъ, всего однакожь не болѣе 25 человѣкъ.

4-е, Учредить аптеку и гостинницу, гдѣ бѣдный можетъ приходить и обѣдать, получивъ сперва билетъ отъ Директора, и принесши свидѣтельство Частнаго Пристава, что онъ точно дома пищи не имѣетъ.

5-е, Каждогодно праздновать память основанія

торжественнымъ собраніемъ, для чего устроить приличную залу, а для угощенія посѣтителей опредѣлить постоянную сумму.

Послѣ сего Прибирохинъ продалъ подъ больницу свой старый домъ на городской площади, съ большимъ мѣстомъ, и душеприкащики занялись сочиненіемъ плана. Прежде всего приступили къ размѣру сада, который долженъ быть при больницѣ. Садъ устроенъ обширный и прекрасный, и въ немъ теперь всегда лучшее гулянье для публики; больныхъ же туда пускаютъ въ извѣстные дни и часы. Потомъ въ бель-этажѣ отдѣлены комнаты для Директора, Совѣтника, консультантовъ, медиковъ, лекарей, подлекарей и присутствія; въ нижнемъ, для аптеки, провизора, его помощника, гезелей, фершеловъ, маленькаго кабинета Естественной Исторіи и Анатоміи, и обширная зала для торжественныхъ собраній. Въ верхнемъ этажѣ комнаты для сторожей, для кладовыхъ. И такимъ образомъ, въ главномъ корпусѣ могли удѣлить мѣсто только для десяти кроватей, и то въ верхнемъ этажѣ. Надобно было еще устроить кухню для приходящихъ бѣдныхъ и залу для ихъ собранія; кухни, сараи, конюшни и погреба для чиновниковъ; кухню, прачечную, сушильню, катальню, рекреаціонную залу для больныхъ, гробовую, и проч. и проч., почему и положили: выстроить еще два боковые флигеля, а между ими и главнымъ корпусомъ устроить фонтанъ, представляющій богиню Здравія, у которой изъ чаши бьетъ свѣтлая, чистая вода въ каменный бассейнъ.

Не правда-ли, что планъ былъ сдѣланъ прекрас-

ный, и хотя говорятъ, что Прибирохинъ и архитекторъ нажились шутъ, но вчера, послѣ торжественнаго открытія, я осмотрѣлъ все, и изумился: какъ все чисто, великолѣпно, хорошо! Жилье докторамъ, чиновникамъ, аптекарямъ и всѣмъ другимъ помѣщеннымъ въ домѣ, превосходное. Комнаты для больныхъ прелестны. Флигеля, правда, темны и сыры, но за то погреба, конюшни и прачечныя удивительны; въ аптекѣ стклянки блестятъ золотомъ, и уже всѣ десять кроватей заняты: *трое* крестьянъ Щелкопёрова, изувѣченные на садкѣ; слуга Прокурора; *двое* больныхъ сухошкою слугъ Прибирохина, и *четверо* мѣщанъ и цеховыхъ, изувѣченныхъ въ дракѣ съ винопродавцомъ, лежатъ и лечатся. Болѣе нѣкуда помѣстить.

Разсчетъ Добрякова былъ такой: 100,000 употребить на устройство дома; съ 400 тысячь процентовъ 20,000 рублей, съ промѣномъ 21,600 руб.; на кормленье бѣдныхъ употреблять ежедневно, считая по 25 коп. на человѣка, и того на 100 человѣкъ ежедневно 25 рублей, въ годъ 9,125 рублей, а 12,500 рублей ему казались достаточны на 100, 150 и — даже 200 человѣкъ больныхъ, круглымъ числомъ.

Теперь содержится, какъ я вамъ сказалъ, 10-ть больныхъ, а кормленье бѣдныхъ еще не начиналось, ибо — денегъ нѣтъ: осталось 100,000 рублей; куда-же повернуть ихъ? Хорошо еще, что большая часть врачей, изъ благородной ревности ко благу человѣчества, жалованья не требуютъ и довольствуются только квартирою, дровами и свѣчьми. Аптекарь-же, Нѣмецъ Шулерманъ, удивилъ всѣхъ:

онъ просилъ только помѣстить его аптеку въ больницѣ, т. е. дать ему аптеку съ ея заведеніемъ и квартиру, для продажи медикаментовъ, а онъ не требуя ни свѣчь, ни дровъ, будетъ еще даромъ отпускать сколько ни потребуется для больницы лекарствъ. Послѣ этого говорите, что нѣтъ на свѣтѣ добрыхъ людей. При торжественномъ открытіи больницы была подписка въ пользу бѣдныхъ; собрано 598 рублей, и многіе жертвовали весьма щедро. Купецъ Толстосумовъ подписалъ 50 рублей; Вице-Губернаторъ 25 рублей; Стряпчій даже 10 рублей.— Угощеніе посѣтителей стоило до 700 рублей.

Вѣрный списокъ съ записки, поданной Столоначальникомъ Цапкинымъ Стряпчему Неглаголину, о дѣлѣ купца Шилотычкина съ Коллежскимъ Регистраторомъ Прижимаевымъ, при посылкѣ дѣла (*).

Въ 1798-мъ году, Іюня 7-го дня, поданнымъ въ N. N. Градскую Полицію, съ приложеніемъ подлежащихъ документовъ, Коллежскій Регистраторъ Прижимаевъ, съ довѣренностію подать прошеніе Коллежскому Секретарю Ивану Пафнутьеву, на Елатомскаго купца Сидора Шилотычкина, прошеніемъ принесъ жалобу о учиненіи побой и обиды

(*) Предлагаемъ сію записку, какъ образецъ юридическаго слога, которымъ донынѣ пишутъ многіе приказные люди. Ж.

онымъ Шилотычкинымъ ему Прижимаеву, и съ нѣмъ вмѣстѣ о пристрастномъ рѣшеніи онаго-же города N. N. Частнаго Пристава Бѣсодурова, съ уличеніемъ его въ родственной связи съ онымъ Шилотычкинымъ, каковая связь и хлѣбосольство побудили яко-бы рѣченнаго Бѣсодурова, при упомянутомъ побитіи, кулакомъ и камышевою натуральною палкою, при личномъ бытіи онаго города N. N. уѣзда, Семирѣчной волости, деревни Пустовой крестьянина Филиппа Демьянова сына Кукушкина и N. N. Уѣзднаго Суда Регистратора Подсказова, битіе и удареніе видѣвшихъ, о чемъ взятыми законными показаніями, утвердить побитіе рѣченнаго Прижимаева часто поминаемымъ Шилотычкинымъ, оный Бѣсодуровъ отрекся, и по поданному Прижимаева прошенію и взятію со свидѣтелей отвѣта, относительно упомянутой уголовной ссоры и побитія палкою и кулакомъ, онаго Шилотычкина объясненіе, препровожденное въ N. N. Градскую Полицію не только о небитіи упомянутаго Прижимаева, но и о небытіи въ означенное Іюня 7-го дня время въ городѣ N. N., изъявилъ сомнѣніе, коего дѣло съ выписками документовъ, и съ приложеніемъ вырванныхъ Шилотычкинымъ у Прижимаева, завернутыхъ въ особую бумажку и утвержденныхъ печатями волосъ, всего 1219 нумерованныхъ листовъ и волосы, по принятіи оныхъ, по поданному прошенію въ высшей инстанціи, за сгорѣніемъ по случаю пожара изъ онаго дѣла 486-ти листовъ, остальные при семъ представляются и съ росписку препровождаются.

Литтературное извѣстіе.

Съ удовольствіемъ спѣшимъ извѣстить публику, что, извѣстный своими прекрасными переводами, Г-нъ де Шаплетъ, занимается переводомъ послѣдняго и слѣдственно новѣйшаго романа В. Скотта: *Карлъ Смѣлый, Герцогъ Бургундскій, или Анна Гейерштейнская*. Г-нъ де Шаплетъ переводитъ сей романъ съ Англійскаго языка: это, разумѣется, придастъ новое достоинство его труду, ибо великая разница передавать на свой языкъ Англійское произведеніе съ оригинала, или съ перевода Французскаго. Въ послѣднемъ случаѣ, переводчикъ самый искусный невольно увлекается выраженіями Французскими, и слогъ его теряетъ характеръ слога авторова; напротивъ при переводѣ съ подлинника, въ слогѣ остается вся выразительность и свѣжесть оригинальнаго автора. Разумѣется, при этомъ главное условіе для переводчика, хорошій слогъ: но Г-нъ де Шаплетъ, многими своими переводами доказалъ, что онъ весьма хорошо владѣетъ языкомъ. Мы тѣмъ болѣе рады сему новому труду Г-на де Шаплета, что онъ избавляетъ насъ отъ грустной мысли о дюжинномъ переводѣ съ Французскаго, на который, вѣроятно, рѣшился-бы какой нибудь задорный писака, и тогда новое произведеніе В. Скотта было-бы изуродовано для Русскихъ читателей. Но теперь, конечно не осмѣлятся на сей дерзкій подвигъ даже потому, что, кто станетъ покупать плохой переводъ, когда мы будемъ имѣть, безъ сомнѣнія прекрасный, переводъ Г-на де Шаплета, долженствующій вскорѣ выйдти въ свѣтъ.

Подписка принимается въ Москвѣ у А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ, въ С. Петербургѣ у А. Ф. Смирдина, въ книжномъ магазинѣ у Синяго моста. Цѣна за 5 частей сего перевода, съ портретомъ В. Скотта, 15 рублей; съ пересылкою во всѣ города 18 рублей. Гг. подписавшіеся получатъ свои экземпляры на лучшей веленевой бумагѣ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Sans exagérer, les deux tiers des femmes que l'on rencontre dans les promenades, portent des capotes de tissu de paille qui leur cachent les joues et ont une saillie de près de six pouces.

On a coutume de mettre deux longues plumes blanches sur les chapeaux de paille d'Italie, et de les fixer au bas de la forme, à droite, par une rosette de ruban de satin blanc. Nous avons vu un large velours noir entourer la forme d'un chapeau de paille d'Italie; et une boucle d'or attacher à gauche, une rosette sans bouts. Sous la passe étaient: un bandeau, des rosettes et des brides de velours noir.

On commence à porter des voiles avec les capotes *à l'Anglaise*: il y en a de blonde noire, de blonde blanche et de

---

(*) До 15-го Августа (н. ст.) 1829.

mousseline brodée ; les jeunes personnes les portent en gaze ou en mousseline unie.

Nous avons vu du jasmin et des roses sur quelques chapeaux de crêpe crêpé. Ces fleurs étaient réunies en bouquet au haut de la forme à droite.

Les capotes *à l'anglaise*, en paille lisse, ont pour rivales des capotes de gros de Naples, de moire ou de gourgouran, blanc, bleu, rose, lilas ou vert.

La manière la plus générale de garnir un chapeau de paille d'Italie, est de placer sur le devant de la forme, cinq larges plumes blanches: deux en bas, deux un peu plus haut, et la troisième un peu au-dessus. Ici, l'occasion se présente de faire remarquer que la mode des marabouts, si longtems recherchés, est passée.

Beaucoup d'élégantes et même quelques jeunes personnes portent des brides garnies en tulle ou en blonde.

A la première représentation de *Guillaume Tell*, les chapeaux les plus remarquables étaient ceux de paille de riz, ornés d'une longue branche de julienne ou d'une branche de mauve.

Sur plusieurs coëffures en cheveux, des roses s'élevaient au-dessus des boucles.

Les robes sont, comme à l'ordinaire, très-courtes, et froncées tout autour de la taille.

Pour faire voir que leur robe a une poche, beaucoup d'élégantes laissent dépasser leur mouchoir.

Les manches excessivement larges (tout le monde en sait le nom) pendent jusques sur les hanches : du haut, il y en a de plissées à plis plats et réguliers.

Les robes blanches, très-décolletées des épaules surtout, que les femmes à la mode portent aux réunions du soir, dans les salons, à la campagne, ont, outre la frange de rigueur fixée à la hauteur des genoux, une autre frange tout autour de l'échancrure du corsage.

Le collet des habits monte si haut par derrière qu'il oblige à mettre le chapeau sur le devant de la tête.

En toilette, quelques beaux-fils ont des cravates de satin blanc.

Головные уборы. Можно сказать безъ увеличенія, что двѣ трети дамъ, встрѣчающихся на прогулкахъ, носятъ шляпки—капоты изъ соломенной ткани, закрывающія у нихъ щеки, и выдающіяся впередъ почти на шесть дюймовъ.

На Итальянскихъ соломенныхъ шляпкахъ обыкновенно бываютъ два длинныя бѣлыя пера: ихъ укрѣпляютъ внизу тульи, на правой сторонѣ, розеткою изъ бѣлой атласной ленты. Замѣтили одну Итальянскую соломенную шляпку, у которой тулья была окружена широкою вырѣзкою изъ чернаго бархата, а на лѣвой сторонѣ ея прикрѣплена золотою пряжкою розетка безъ кончиковъ. Внизу

полей сей шляпки были розетки, бантъ и черныя бархатныя завязки.

Съ *Англійскими* шляпками—капотами начинаютъ носить вуали, блондовые черные, блондовые бѣлые или изъ шитой кисеи. Вуали молодыхъ особъ бываютъ газовые или изъ гладкой кисеи.

На нѣкоторыхъ шляпкахъ изъ крепъ-крепе замѣтили жасмины и розы, букетомъ, вверху тульи, на правой сторонѣ.

Англійскія шляпки—капоты, гладкія соломенныя, соперничаютъ съ шляпками—капотами изъ гроденапля, волнистой матеріи, или изъ гургурана, цвѣтовъ бѣлаго, голубаго, розоваго, лиловаго, или зеленаго.

Самая употребительная уборка соломенной Итальянской шляпы состоитъ въ слѣдующемъ: пять большихъ бѣлыхъ перьевъ на переди тульи, расположенныя такимъ образомъ, что два изъ нихъ въ низу, два немного повыше и одно еще повыше. Здѣсь кстати замѣтить, что мода на марабу, столь долго бывшія въ употребленіи, прошла.

Многія щеголихи, и даже нѣкоторыя молодыя особы, носятъ завязки у шляпокъ, убранныя тюлемъ, или блондами.

Въ театрѣ, при первомъ представленіи новой Россиніевой оперы *Вильгельмъ Тель*, самыя замѣчательныя шляпки были соломенныя бѣлыя, украшенныя длинною вѣткою ночной фіалки или вѣткою проскурняка.—На многихъ простоволосыхъ уборкахъ видны были надъ буклями розы.

Платья и разныя моды. Платья, по обыкновенію, чрезвычайно коротки и со складками вокругъ таліи. Многія щеголихи, желая показать что у модная платья ихъ есть карманъ, выставляютъ изъ него платокъ.

Безмѣрно широкіе рукава (всѣ знаютъ ихъ названіе — прибавляетъ Французскій Журналистъ, вѣроятно совѣстясь сказать: *дурацкіе* рукава, à l'imbécille, какъ вообще называютъ ихъ въ Парижѣ) простираются ниже пояса; на верху ихъ складки, плоскія и правильныя.

Бѣлыя платья, чрезвычайно открытыя, особенно около плечъ, и надѣваемыя для выѣздовъ на вечера, въ гости и за городомъ, бываютъ убраны, кромѣ необходимой бахромки напротивъ колѣнъ, также бахромкою вокругъ сгиба корсажа.

Мужскія моды. Воротникъ фраковъ дѣлаютъ сзади столь высоко, что онъ заставляетъ надѣвать шляпу на переднюю часть головы. — Нѣкоторые щеголи надѣваютъ, въ нарядъ, галстухи изъ бѣлаго атласа.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Шляпка–капотъ, у которой поля гладкія соломенныя, а тулья гроденаплевая. Платье изъ гроденапля.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Августа 16 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

зываемомъ минералогами *хроматическое* желѣзо, которое, кажется, принадлежитъ материкамъ евфотида, гдѣ онъ образуется почками, жилами, болѣе или менѣе значительными, среди *змѣевика*, и проч.

Натуральные кремни чрезвычайно многочисленны, и мы укажемъ только на нѣкоторые; желающіе видѣть подробное ихъ описаніе, могутъ прочесть другія сочиненія, до Минералогіи касающіеся, гдѣ преимущественно разсматривается химическій составъ минераловъ. (*Смотри* Бёдана: *Cours élémentaire de Minéralogie;* и Берцелія: *Nouveau système.*)

1-е. *Цирконъ* или гіацинтъ, какъ называютъ его ювелиры, коего положеніе въ землѣ мы означили выше, есть соединеніе кремнистаго окисла съ окисломъ цирконія въ пропорціи 31 части перваго и 66 втораго, по разысканіямъ Г. Вокелена.

2-е. *Изумрудъ*, славный своимъ прекраснымъ зеленымъ цвѣтомъ, есть соединеніе квасцоваго кремня съ кремнемъ сладимой земли или глюцины въ пропорціи около 52 частей перваго и 48 втораго. Квасцовый кремень, входящій въ сей составъ, самъ состоитъ изъ 35 частей квасцовъ на 65 частей кремня, а кремень глюцины изъ 71 части кремнистой земли и 29 частей глюцины. По этому, въ каждомъ изъ оки-

словъ, входящихъ въ составъ изумруда, найдены слѣдующія пропорціи, какъ мы уже сказали въ одномъ мѣстѣ:

Кремнистая земля	68.
Квасцы	18.
Глюцина	14.
	100.

Это вещество, равно какъ и аква-марина, которая составляетъ только видъ онаго, въ особенности принадлежитъ хранилищамъ графическаго гранита; такъ встрѣчаютъ оное разсѣянными кристаллами въ Шанпелубѣ, близъ Лиможа, въ Марманѣ близъ Опюна, въ Нантѣ, въ Фимбо и Броддбо въ Швеціи, въ Сибири, въ Коннектикутѣ въ Сѣверной Америкѣ, и проч.; рудники глимера или слюды и вообще скалы, къ сему разряду относящіяся, также содержатъ оное, на примѣръ въ Забарѣ въ верхнемъ Египтѣ, и въ Зальцбургѣ. Прекрасный Перуанскій изумрудъ, кажется, гораздо новѣе.

3-е. Восточный или Сирійскій гранатъ, извѣстный своимъ изящнымъ краснымъ цвѣтомъ, есть соединеніе квасцоваго и желѣзистаго кремней, въ которомъ часто, впрочемъ случайно, встрѣчается примѣсь посторонихъ веществъ. Первый изъ сихъ кремней входитъ 39-ю частями на 100 въ гранатъ и состоитъ изъ 52 частей квасцовъ и 48 кремнистой земли. Количество второго—

61; онъ состоитъ изъ 31 части кремнистой земли и 69 желѣзнаго закисла; изъ чего слѣдуетъ, что восточный гранатъ существенно заключаетъ въ себѣ:

Кремнистой земли . . .	38.
Квасцовъ	20.
Желѣзнаго закисла	42.
	100.

Этотъ родъ камней преимущественно находится въ Богеміи, (въ разсѣлинахъ) спекляннстыхъ скалъ, коихъ происхожденіе еще весьма загадочно.

4-е. *Ультра-маринный лазулитъ.* Этотъ камень не только замѣчателенъ по своему прекрасному лазоревому голубому цвѣту, но еще и свойствомъ превращаться въ эмаль сѣрую или бѣлую на огнѣ паяльной трубки, терять цвѣтъ, когда подвергаютъ его вліянію сильныхъ кислотъ, и вмѣстѣ съ ними составлять растворъ весьма густой (*).

Гг. Клеманъ и Дезормъ, разсматривавшіе сей камень, извлекли на 100 частей, 34 части кремнистой земли, 33 квасцовъ, 3 сѣры и 22 соды

(*) Этотъ растворъ происходитъ отъ того, что камень разлагается, и отъ того, что кремнистая земля, отдѣляясь, удерживаетъ много воды.

(Ann. de Chimie, T. LVII). Г. Вокеленъ допускаетъ въ составъ его еще нѣсколько началъ.

Послику въ этомъ разложеніи они потеряли 8 частей, то отсюда должно заключить, что нѣкоторыя начала отъ нихъ необходимо скрылись. Эти начала не играютъ-ли замѣчательной роли въ разцвѣченіи лазулита? Такое мнѣніе покажется вѣроятнымъ, когда припомнимъ, что всѣ другіе камни обязаны цвѣтомъ своимъ красильному веществу. Безъ сомнѣнія можно доказать, что кремнистая земля, известь, квасцы, сода, хотя сами по себѣ безцвѣтны, способны однакожъ образовать изъ себя цвѣтной составъ; но должно признаться: странно предполагать въ сихъ камняхъ единственно такого рода смѣсь; и мы дойдемъ до подобнаго заключенія, если станемъ отвергать въ лазулитѣ особенное красящее начало: самъ Г. Вокеленъ думаетъ, что этотъ камень содержитъ въ себѣ извѣстное количество желѣзнаго окисла.

По другимъ изслѣдованіямъ, его должно почитать составомъ 44 частей кремнистой земли, 35 квасцовъ и 21 части соды, что и дастъ 68 частей квасцоваго кремня и 32 части кремня соды на 100: кажется, что сода иногда можетъ быть отчасти замѣнена поташемъ.

Ультра-маринный лазулитъ обыкновенно находится въ кускахъ разсѣянныхъ и скатанныхъ,

онъ часто перемѣшанъ съ полевымъ шпатомъ, кремнемъ, гранатомъ и особенно съ желѣзнымъ колчеданомъ. Настоящее положеніе, отчизна лазулита, не хорошо извѣстна: можно догадываться однакожь, по веществамъ его окружающимъ, что онъ принадлежитъ материкамъ древнимъ; лучшіе лазулиты, кажется, въ Персіи, Китаѣ, въ Великой Бухаріи.

Изъ лазулита извлекаютъ превосходную краску, называемую ультра-маринной лазурью. Камень раскаляютъ и бросаютъ въ воду, чтобы смягчить его (*); потомъ истираютъ его въ порошокъ, смѣшиваютъ съ мастикою изъ смолы, воска и льянаго варенаго масла; тѣсто, отъ сего происходящее, кладутъ въ тряпку, и нѣсколько разъ опускаютъ въ горячую воду: первая вода обыкновенно не чиста: ее выливаютъ; вторая даетъ голубой цвѣтъ высшей доброты; третья даетъ голубой цвѣтъ не столь изящный; четвертая еще хуже, и такъ далѣе, пока не получится блѣдноголубая краска, называемая *ультра-маринной золой*. Это производство основано на

(*) Торгующіе красками имѣютъ обыкновеніе класть лазулитъ въ уксусъ; отъ сего они теряютъ его нѣкоторое количество, потому что эта кислота, хотя слабая, повреждаетъ цвѣтъ его при температурѣ возвышенной.

свойствѣ ультра-марины, отличномъ отъ другихъ веществъ, ею содержимыхъ — не легко соединяться съ мастикою.

Краска сія, по своей рѣдкости, красотѣ и прочности, продается по 200 франковъ за унцію. Она не столь была рѣдка прежде, и живописцы щедро употребляли ее въ своихъ картинахъ.

Г. Тассаертъ замѣчалъ въ садовыхъ печахъ, построенныхъ изъ песчанаго камня, образованіе голубаго вещества, которое, кажется, весьма похоже на ультрамарину. По словамъ Г. Вокелена, оно состоитъ, какъ и ультрамарина, изъ квасцовъ, кремнистой земли, соды, осѣченной извести, желѣзнаго и сѣрнаго окисловъ; кромѣ того, оно, какъ и ультрамарина, пропитится дѣйствію огня и не измѣняется отъ кипящаго поташнаго раствора, но тотчасъ разрушается сильными кислотами, когда освободится осѣченный водотворъ.

5-е. *Окисль хромія, соединенный съ желѣзнымъ окисломъ.*—Это вещество, найденное въ большомъ количествѣ въ Варскомъ департаментѣ (Journal des Mines N° 55), темнаго цвѣта, въ малыхъ зернахъ, формы неопредѣленной; оно чертитъ стекло, имѣетъ слабый металлическій блескъ, не подвергается дѣйствію селитренной кислоты, но, напротивъ, много черпитъ отъ селитреннаго поташа, при кр сномъ

жарѣ, и съ этой солью составляетъ поташный хроматъ, растворяемый въ водѣ. Одно, оно противится огню паяльной трубки, но будучи смѣшано съ бурой, растапливается въ зеленое стекло. Матрицей оно имѣетъ мыловый камень, состоящій изъ кремнистой земли, магнезіи, квасцовъ и желѣзнаго окисла.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были найдены составы, болѣе или менѣе сходные съ симъ составомъ, въ Сибири, Сен-Доминго, Балтиморѣ, и въ Честеркузѣ (Пенсильваніи).

Г. Бертье, изслѣдовавшій сіи три минерала, извлекъ изъ нихъ:

	Сен-Доминго.	Балтиморъ.	Честеркузъ.
Желѣзной перекиси	0,370	0,350	тожъ.
Окисла хромія	0,360	0,576	тожъ.
Квасцовъ	0,215	0,100	тожъ.
Кремнистой земли	0,050	0,030	тожъ.

Хроматическое желѣзо Варскаго Департамента, изслѣдованное Г-мъ Вокленомъ, весьма похоже на Сенъ-Домингское; а хроматическое желѣзо Сибирское, изслѣдованное Г-мъ Ложье, имѣетъ равный составъ съ Балтиморскимъ.

Нѣкоторые химики думаютъ, что квасцы и кремнистая земля—случайныя начала; но Г-нъ Бертье, нашедъ ихъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ хроматическаго желѣза, даже въ тѣхъ, которыя, будучи разсматриваемы въ микроскопъ, не

представляли никакой посторонней примѣси, не раздѣляетъ сего мнѣнія: онъ почитаетъ ихъ существенными частями состава, который, по его словамъ, есть двойная соль, происшедшая отъ соединенія хромита желѣза и квасцоваго подъ-кремня (sous-silicate d'alumine). Annales des Mines, T. VI, стр. 573).

6-е. Полевой шпатъ, находящійся въ значительномъ количествѣ на поверхности земнаго шара, входящій въ составъ всѣхъ скалъ первобытныхъ материковъ, лавныхъ скалъ, самъ образующій собою скалы, и опредѣляющій составъ всѣхъ порфировъ, состоитъ изъ 67 частей квасцоваго кремня и 33-хъ частей кремня поташнаго, что и даетъ, за исключеніемъ окисловъ:

Кремнистой земли . .	66
Квасцовъ	18
Поташа	16
	100.

Есть много веществъ, очевидно представляющихъ свойства полеваго шпата, но въ которыхъ сода или известь замѣняютъ поташъ; часто также сіи три рода камней тѣсно соединяются между собою, такъ что для опредѣленія прямыхъ изслѣдованій, должно обращать вниманіе на пропорціи составныхъ частей каждаго изъ сихъ родовъ.

Полевой шпатъ обыкновенно образуется правильными кристаллами въ гранитахъ, въ скалахъ, сосплавленныхъ дѣйствіемъ огня, и проч. Его формы представляютъ или косыя ромбоидальныя призмы 60° и 120°, или правильныя гексаэдрическія призмы, всего чаще оканчивающіяся діэдрическими вершинами.

Полевой шпатъ входитъ какъ основа въ составъ фарфора; въ такомъ случаѣ называютъ его *шпатомъ*, *голышовымъ кремнемъ* или *петунце* въ пропорціи отъ 15 до 20 на 100; его употребляютъ для наведенія лака или эмали на фарфоровую посуду.

Онъ-то именно, разлагаясь мало по малу, и производитъ фарфоровую глину.

Его находятъ грудами и слоями въ окрестностяхъ Лиможа, въ Алансонѣ и проч.

7-е. *Пемза*, которая не иное что есть, какъ *обсидіенъ* или волканическое стекло, вспѣненное какимъ-бы то ни было образомъ, происходитъ отъ соченанія окисловъ, подобныхъ полевому шпату: въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже она совершенно относится къ сему порядку, и только случайно содержитъ въ себѣ посторонніе кремнистыя начала, что и не удивительно, ибо она производится плавкою веществъ, содержащихъ начала полеваго шпата, соединеннаго по временамъ съ другими веществами.

8-е. *Глина.* Вещество мягкое для осязанія, болѣе или менѣе липкое на языкѣ, способное съ примѣсью воды составлять тѣсто клейкое, тягучее, и которое, будучи подвержено дѣйствію огня, теряетъ свойство растворяться въ водѣ и становится довольно твердо, такъ, что отъ удара огнивомъ, издаетъ искры.

Глины состоятъ изъ кремнистой земли и кварцовъ, или, общѣе, изъ кремней разныхъ основаній; но здѣсь соединенныя пропорціи не могутъ имѣть ничего постояннаго, по той причинѣ, что сіи земляныя вещества происходятъ почти всегда отъ разрушенія и разложенія скалъ и разныхъ веществъ, въ нихъ содержащихся. Есть глины, почитаемыя чистыми, ибо состоятъ только изъ кремнистой земли и кварцовъ; другія разцвѣчены перекисью желѣза или гидратомъ сей перекиси; многія перемѣшаны съ известковой щелочной солью, и называются мергелемъ, когда это вещество находится въ нихъ въ изобиліи; есть глины, заключающія въ себѣ магнезію, и проч. Отъ сихъ разныхъ обстоятельствъ происходитъ чрезвычайное разнообразіе глинъ, употребляемыхъ въ искусствахъ и различаемыхъ тщательно. Вообще можно раздѣлить глины на два рода: глины не плавимыя или огнеупорныя, и глины плавимыя.

Глины огнеупорныя, о которыхъ мы упомянемъ, слѣдующія:

Фарфоровая глина. Эта глина происходитъ отъ разрушенія скалъ полеваго шпата. Мало по малу, отъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ, начала, составляющія полевой шпатъ, именно: квасцы, кремнистая земля и щелочи, отдѣляются; щелочь распускается, а квасцы, смѣшанныя съ кремнистою землею и съ маленькими зернами кварца, входившаго въ составъ скалы, образуютъ вмѣстѣ массу рыхлую: эта-то смѣсь и есть фарфоровая глина. Фарфоровыя глиноломни находятся: во Франціи въ Сенъ-Иріёксъ-ла-Першъ, близъ Лиможа; въ Шовиньи и Моперпюи, въ окрестностяхъ Алансона, близъ Байонны; — въ Англіи, въ Графствѣ Корнуаллійскомъ;—въ Саксоніи;—въ Китаѣ; — въ Японіи. Изъ фарфоровой глины дѣлаютъ фарфоръ.

Пемза, будучи измѣнена такимъ-же образомъ, производитъ глину бѣлую, которая имѣетъ свойства фарфоровой глины и съ успѣхомъ была употребляема на фарфоровыхъ заводахъ. Есть нѣсколько пемзы въ Овернье; но Венгрія въ особенности изобилуетъ ею.

Глина Монтеро-на Іоннѣ.—Она сѣра, весьма клейка, бѣлѣетъ на маломъ огнѣ, и дѣлается грязно-желтою на огнѣ сильномъ. Изъ оной глины въ Монтеро и въ Парижѣ дѣлаютъ прекрасный бѣлый фаянсъ, называемый: *глина бѣлая, глина для трубокъ* или *Англійская глина.*

Глина Абонданъ, близъ лѣса Дрё. — Она бѣла и крѣпка. Г. Вокленъ нашелъ, что она состоитъ изъ 43 частей кремнистой земли, 33 частей квасцовъ, 3 известковой щелочной соли, 1 желѣзнаго окисла, и 18 частей воды. Изъ нее дѣлаютъ формы для обжиганія фарфора.

Глина Савейньи, близъ Бове.—Изъ сей глины дѣлаютъ почти всѣ роды посуды, называемой песчаною.

Глина Форжъ-ле-зо. — Она весьма похожа на предыдущую, и какъ та, способна къ дѣланію посуды. Кромѣ того, употребляютъ ее въ стекляныхъ издѣліяхъ, и особенно для горшковъ, въ которыхъ плавятъ стекло. По словамъ Г. Вокелена, она состоитъ изъ 16 частей квасцовъ, и 63 частей кремнистой земли, 1 части известковой щелочной соли, 8 частей желѣзнаго окисла и 10 воды.

Глина Девонширская, въ Англіи.— Она сѣра, мягка, клейка, и бѣлѣетъ на огнѣ, употребляемомъ для обжиганія посуды. Изъ сей глины дѣлаютъ всю посуду Стаффордшира и окрестностей Нью-Каспля-на-Тайнѣ, въ Нортумберландѣ.

Мы будемъ говорить только о двухъ видахъ плавильной глины: о глинѣ суконовальной и глинѣ гончарной.

Суконовальная глина. Жирна, мягка на осязаніе, легко распускается въ водѣ и превращается въ растворъ не клейкій. По Бергманну, суконовальная глина Гампшира, въ Англіи, состоитъ изъ 51 части кремнистой земли, 25 частей квасцовъ и небольшаго количества известковой щелочной соли и магнезіи. Суконовальную глину употребляютъ для извлеченія изъ шерстяныхъ матерій масла, необходимаго при ихъ выдѣлкѣ: на сей конецъ, ихъ валяютъ съ извѣстнымъ количествомъ сей глины и извѣстнымъ количествомъ воды. Самыя лучшія суконовальныя глины въ Англіи.

Гончарная глина. Мягка на осязаніе, но менѣе предыдущей; она съ водой составляетъ довольно плотное тѣсто. Ее употребляютъ въ дѣланіи печей, фаянсовъ и грубой посуды не муравленой и красноватой. Сей глины много близъ Парижа, въ окрестностяхъ Ванвра, Вожирара, Аркёлья; изъ нее дѣлаютъ не только самой низкой цѣны посуду, но даже формы лѣпныхъ издѣлій и замазку бассейновъ.

9-е. *Сланцы.* Сланцы состоятъ изъ слоевъ слюды, лежащихъ одни на другихъ, такъ, что вся масса легко раздѣляется на листья, болѣе или менѣе толстые; одни тусклы, другіе глянцовиты, иногда даже разноцвѣтны, подобно перламутру. Всѣ чертятся стальнымъ остріе-

емъ, и болѣе или менѣе плавятся, иногда въ бѣлую эмаль, иногда въ эмаль темную, наполненную пузырьками; полоски ихъ сѣровапы; ни одинъ не растворяется въ водѣ. Сосгавъ сланцовъ весьма разнообразенъ, ибо вещества, называемыя слюдою, бываютъ разныхъ свойствъ, и листья слюды почти всегда смѣшаны съ другими веществами. Впрочемъ, можно вообще сказать, что они состоятъ изъ кремнистой земли, квасцовъ, желѣзнаго окисла, иногда извести, магнезіи, марганцоваго окисла, и проч.; иногда напитаны горной смолою, и часто содержатъ кристаллы или небольшія накопленія сѣрнокислаго желѣза. Мы укажемъ на аспидъ, глинистый сланецъ, бритвенный оселокъ, плотничій мѣлъ.

Употребленія. Множество составныхъ металлическихъ окисловъ употребляется въ искусствахъ. Между сими окислами замѣчательны: 1-е многіе стеклянные камни; 2-е стекло; 3-е цвѣтныя стекла; 4-е эмали; 5-е лазурь; 6-е драгоцѣнные камни, изъ коихъ дѣлаютъ галантерейныя вещи, перстни, серги, ожерелья и проч.; 7-е стразъ; 8-е искуственные цвѣтные камни; 9-е зеленая краска Шееля; 10-е желтая Неаполитанская краска; 11-е голубая мѣдная краска; 12-е горшечныя издѣлія; 13-е известковые растворы, цементы и проч.

Стекло.

Стекло есть произведеніе, получаемое отъ

смѣшенія кремнистой земли съ разными веществами, большею частію весьма плавкими, подвергнутаго дѣйствію сильнаго и продолжительнаго огня. Въ таблицѣ, помѣщенной въ предыдущемъ нумерѣ, означены вещества, способныя стекловаться.

Стекольное искуство очень разнообразно, и потому мы посовѣтуемъ желающимъ узнать его, прочесть сочиненіе Г. Лоазеля; здѣсь мы почерпнемъ изъ сего творенія только описаніе состава разнаго рода стеколъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Къ сему № Прибавленія приложено *изображеніе модной драпировки оконъ.*

NOTICE
DESNOUVEAUTÉS
QUI SE TROUVENT
A LA LIBRAIRIE SEMEN,

AU PONT-DES-MARÉCHAUX, MAISON KARAZINE.

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА
И БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ СЕМЕНА,
на Кузнецкомъ мосту, въ домъ Каразина.

Histoire constitutionnelle d'Angleterre depuis Henri VII, jusqu'à la mort de George III, par Hallam, traduction revue et publiée par Guizot. 5 vol. in-8°. br. 48 r.

Cours complet d'Economie politique pratique, par Say. 4 vol. in-8°. br. — 40 r.

Histoire moderne de la Grèce, par Jocovaky Rizo Neroulos. in-8°. br. — 10 r.

Traité théorique et pratique des maladies des yeux, par Weller, traduit de l'allemand, par Jollat. 2 vol. in-8°. br. — 20 r.

Tenue des livres, enseignée en 21 leçons et sans maitre, par Jaclot. in-8°. br. — 10 r.

Le gastronome français, ou l'art de bien vivre. in-8°. fig. br. — 10 r.

Cours complet de thèmes grecs gradués par Longueville. 2 vol. in-8°. br. — 16 r.

Traité des maladies du foie, par Bonnet. in-8°. br. — 6 r. 50 c.

Le Spectateur français au XIXe siècle. in-8°. br. — 8 r.

Histoire générale des proverbes, adages, sentences etc., par Mery, 3 vol. in-8°. br. — 30 r.

Cours de versions grecques, par Bebel. 2 vol. in-8°. br. — 17 r.

Code général progressif, par Decour Demanche, relié d'après une nouvelle méthode. in-8°. br. — 13 r.

Traité du mouvement de l'eau dans les tuyaux de conduite par d'Aubuisson de Voisins. in-8°. br. — 2 r.

Constantinople et le Bosphore de Thrace pendant les années 1812, 1813 et 1814 et pendant l'année 1826 avec un atlas, par Andréossy. in-8°. br. — 21 r.

Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés, par Thierry. 3 vol. in-8°. br. — 29 r.

Lettres de famille sur l'éducation par Mad. Guizot. 2e éd. 2 vol. in-8°. br. — 20 r.

Le dernier voyage de Nelgis, par Mad. de Genlis. 2 vol. in-8°. br. — 16 r.

Le même, 3 vol. in-12. br. — 10 r.

Discours et opinions, journal et souvenirs de Stanislas Girardin. 4 vol. in-8°. br. — 40 r.

Salathiel ou le Juif errant, histoire du passé, traduite de l'anglais du R. Croly. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

Soirées allemandes offertes au public par Stanislas de Montbuse. 2 vol. in-12. br. — 7 r.

Cours de thèmes par Planche en Carpentier pour les classes de 2e, 3e, 4e, 5e et 6e. chaque classe de 2 vol. in-12. br. — 6 r.

Le Vade Mecum, ou guide de chaque complexion pour prolonger la vie, par Delarue. in-12. br. — 2 r. 80 c.

Stiquiotechnie, ou l'art d'enseigner à lire en 20 ou 30 leçons, par Montemont. in-12. br. — 3 r. 50 c.

Fables choisies de Jauffret, traduites en vers latins avec le texte en regard, par Adolphe Jauffret. 2 vol. in-12. br. — 10 r.

Le bon jardinier, almanach pour 1829. in-12. br. — 10 r.

Essai sur l'universalité de la langue française, par Alire. in-8°. br. — 10 r.

Concours généraux, devoirs donnés aux élèves des collèges royaux depuis 1805 jusqu'en 1828. Classe de rhétorique. — 17 r.

——— Classe de seconde. — 9 r.

——— Classe de troisième. — 9 r.

——— Classes de sixième, cinquième et quatrième. 11 r.

Dictionnaire portatif d'architecture et vignole de poche, par Vitry. 2 vol. in-16. fig. br. — 7 r.

Pelham, ou les aventures d'un gentilhomme anglais. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

Claire Hebert, histoire d'une captive, par Alexandre Bronikowsky. 3 vol. in-12. br. — 10 r.

Le grand seigneur et la pauvre fille, roman de mœurs, par Lamothe Langon. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

Hyppolyte Boratinsky, ou la Pologne sous Sigismond Auguste II, par Bronikowsky. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

La bataille de la Boyne, par Banim. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

Zillah, histoire juive, par Horace Smith. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

La grisette, roman de mœurs, par Ricard. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

L'aventurier français, par Demarets. 3 vol. in-12. br. 10 r.

Gomez-Ariaz, par Talesforo de Trueba y Cosio. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

L'Entrée dans le monde, par Miss Jane Porter. 4 vol. in-12. br. — 14 r.

Le chef du mont, par Emile M***. 4 vol. in-12. br. 14 r.

Duranti premier président du parlement de Toulouse, par Baour Lormian. 4 vol. in-12. br. — 16 r.

Le chef des pénitens noirs. 5 vol. in-12. br. — 18 r.

Le dernier jour d'un condamné, par Victor Hugo. 1 vol. in-12. br. — 4 r. 50 c.

La fille d'une femme de génie. 2 vol. in-12. br. — 7 r.

L'Anglais mangeur d'opium. in-12. br. — 3 r. 50 c.

La femme, ou les six amours, par Mad. E. Voiart. 6 vol. in-12. fig. br. — 25 r.

Des communes et de l'aristocratie, par Barante. in-8°. br. — 7 r.

Beautés de la Biographie française. 2 vol. in-12. br.—7 r.

Calisthénie, ou gymnastique des jeunes filles. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.

Gymnastique de jeunes gens avec fig. in-18. br. — 3 r. 50.

Le ver luisant, conte pour les enfans, traduit de l'allemand. 1 vol. in-18. br. — 80 c.

Histoire d'Henri d'Eichenfelds, conte traduit de l'allemand. 1 vol. in-18. br. — 80 c.

Le serin, conte pour les enfans, traduit de l'allemand. in-18. br. — 60 c.

Le petit mouton, conte pour les enfans. in-18. br. 80 c.

L'enfant perdu conte pour les enfans. in-18. br. — 60 c.

Les œufs de paques, conte pour les enfans. in-18. br. 80 c.

Fables sénégalaises, recueillies de l'Oulof, par Roger. in-18. br. — 5 r. 50 c.

Au hasard, fragmens par Bréant. in-18. br. — 4 r.

Art de fabriquer toutes sortes d'ouvrages en papier. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.

Le La Rochefoucault des dames, pensées et maximes des femmes célèbres. in-32. br. — 3 r. 50 c.

Traité complet sur l'éducation des chats. in-18. br. — 1 r. 50 c.

Doctrine physiologique appliquée à la médecine vétérinaire, par Rodet. in-8°. br. — 8 r.

Théorie de la procédure civile par Boucenne, tome 1er. in-8°. br. — 11 r.

Traité des rétentions d'urine et des maladies qu'elles produisent, par Segalas, avec planches in-f°. 8°. br.—21 r.

Des tribunaux administratifs, ou introduction à l'étude de la jurisprudence administrative, par Macarel. in-8°. br. — 11 r.

Théorie des richesses sociales par le comte Scharbeck. 2 vol. in-8°. br. — 20 r.

L'art de conserver sa santé et de prévenir les maladies héréditaires, par Mongellas in-8°. br. — 12 r.

L'Europe au moyen âge, par Hallam. trad. de l'anglais par Henry. 4 vol. in-8°. br. — 32 r.

Dictionnaire de poche géographique de la France, par Lallement. in-32. br. — 5 r.

Le dernier jour de Pompéi, poëme par Delphine Gay. in-18. br. — 5 r. 50 c.

Almanach des gourmands, par Perigord. in-32. br. — 3 r.

Almanach des Muses pour l'année 1829. in-18. br. — 4 r.

Emblèmes des fleurs, ou parterre de Flore. in-48. br. — 1 r.

Dictionnaire portatif des rimes françaises, par Lanneau. in-32. br. — 3 r. 50 c.

Code de la toilette, manuel complet d'élégance. in-18. br.— 3 r. 50 c.

Code gourmand, manuel complet de gastronomie in-18. br. — 3 r. 50 c.

Code épistolaire. in- 18. br. 3 r. 50 c.

Code civil, manuel complet de politesse. in-18. br.—3 r. 50 c.

Code pénal, manuel des honnêtes gens. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Code de la conversation, manuel complet du langage. in- 18. br. — 3 r. 50 c.

Code de commerce, manuel d'industrie commerciale. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Code de l'amour, suivi du code pénal de l'amour. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Le cuisinier des gourmands, par Martin. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.

Manuel du maître d'école, par Vincent. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Dictionnaire de la fable, par Vergier. in-32. br. — 4 r.

Voyage bibliographique, archéologique et pittoresque en France, par le Rév. P. Dibdin. avec figures. 4 vol. in-8°. br. — 68 r.

L'autocrate de village, ou l'art de devenir ministre, par Müller, traduit de l'allemand 4 vol. in-12. br. — 14 r.

Grammaire française méthodique et raisonnée, par Boniface. in-12. br. — 3 r. 50 c.

Guide du voyageur en Angleterre, en Ecosse et en Irlande. in- 12. br. — 5 r. 50 c.

Art de faire toute espèce de bierres, par Payen. in-12. br. — 5 r.

Abrégé de la vie des pères des déserts d'Orient, par Caillot. 2 vol. in-12. br. — 8 r.

Journal asiatique, recueil de mémoires, d'extraits etc. sur l'Asie. 66 numéros in-8°. — 160 r.

Nouveau Journal Asiatique 1828. — 35 r.

Atlas géographique statistique, historique et chronologique des deux Amériques, traduit de l'anglais par Buchon. in-f°. — 140 r.

Atlas historique de Lesage, édition de 1829. in-f°. — 200 r.

Traité pratique de chimie appliquée aux arts et manufactures, par Gray. 3 vol. in-8°. et planches. br. — 48 r.

Cours élémentaire d'administration militaire, par Vauchelle. 2 vol. in- 8°. br. — 20 r.

Art de fabriquer en pierre factice très dure et susceptible de recevoir le poli, par Pelouze. in-18. br. — 2 r.

Art de fabriquer toutes sortes d'ouvrages en papier, par Bécourt. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Art de construire en cartonnage, par Bécourt. in - 18. br. — 3 r.

Voyage pittoresque ou description des royaumes de Naples et de Sicile, par Saint Non. nouvelle édition accompagnée d'un atlas grand in-f°. L'ouvrage sera composé de 12 livraisons à 23 r.

Atlas classique et universel de géographie ancienne et moderne composé de 60 cartes dressées, par Dufour, chaque liv. de 5 cartes. — 9 r.

Éducation familière, ou série de lectures pour les enfans, par Miss Edgeworth. 2 vol. in-18. br. — 8 r.

Economie politique des Athéniens, ouvrage traduit de l'allemand. 2 vol. in-8°. br. — 21 r.

Nouveaux conseils aux femmes sur l'âge prétendu critique in-8°. br. — 2 r. 75 c.

Cours d'Archéologie, par Raoul Rochette. in-8°. br. 14 r.

Le démon de Socrate. in-8°. br. — 4 r.

Essais philosophiques sur les systèmes de Locke, Priestley, Berkeley, etc., par Dugald Steward. in-8°. br. — 8 r.

De l'état des parties dans les chambres, par St. Chamans. in-8°. br, — 6 r.

Dictionnaire géographique universel, par Vosgien, totalement refondu par Parisot. in-8°. br. — 10 r.

Comédies historiques, par le comte Rœderer. in-8°. br. 10 r.

Esquisses de la souffrance morale, par Ed. Alletz. in-8°. br. — 8 r.

Essai historique et critique sur l'état des Jésuites en France, par Tabaraud. in-8°. br. — 7 r.

Dictionnaire des arts du dessin, la peinture, la sculpture la gravure et l'Architecture, par Boutard. 1 vol. in-8°. br. — 15 r.

Chefs d'œuvre du théâtre indien, par Wilson. 2 vol. in-8°. br. — 21 r.

Du système pénitentiaire en Europe et aux États-Unis, par Ch. Lucas. tome 1er. in-8°. — 10 r.

Histoire de Pierre Terrail, seigneur de Bayart, par Terrebasse. in-8°. br. — 11 r.

Élémens de chimie, par Orfila, 4e édition. 2 vol. in-8°. br. — 23 r.

Traité élémentaire de l'art des accouchemens, par Vilpeau 2 vol. in-8°. br. — 16 r.

Aug. Pyrami de Candolle Botanicam gallicam. tome 1er in-8°. — 17 r.

De l'influence des femmes sur les mœurs et les destinées des nations, par Mad. Mongellaz. 2 vol. in-8°. br. — 16 r.

Traité général d'anatomie comparée par Meckel. tomes 1, 2, 3, in-8°. br. — 27 r.

Tableaux poétiques, par Jules de Resseguier. 3e édition. in-8. fig. br. — 8 r.

Traité d'hygiène appliqué à l'éducation de la jeunesse, par le Dr. Simon. in-8°. br. — 9 r.

Économie politique, ou principes de la science des richesses, par Joseph Droz. in-8°. br. — 10 r.

Le même. in-18. br. — 4 r.

Études françaises et étrangères, par Emile Deschamps. in-8°. br. — 11 r.

Choix de fables traduites en turk par un effendi de Constantinopole. in-8°. br. — 23 r.

De l'embouchure du cheval, par Weyrother. in-8°. br. — 3 r.

Statues du Pont Louis XVI. in-8°. br. — 7 r.

Histoire abrégée de la constitution civile du clergé de France. in-8°. br. — 3 r. 50 c.

Du Bresil, ou observations générales sur le commerce et les douanes de ce pays. in-8°. br. — 7 r.

Histoire des sectes religieuses, par Grégoire nouv. édit. 6 parties. in-8°. br. — 34 r.

Traité complet des propriétés, de la préparation et de l'emploi des matières tinctoriales et des couleurs 2 vol. in-8°. br. — 26 r.

Chronique de la prise de Constantinople par les Francs, avec des notes par Buchon. in-8°. br. — 10 r.

Oeuvres de Buffon, mises en ordre par Richard. Suivies d'un complément par Lesson et ornées de gravures enluminées. 35 vol. in-8° br. — 420 r.

Anatomie de l'homme, ou description et figures lithographiées de toutes les parties du corps humain, par J. Cloquet. 2 vol. in-8°. de texte et 39 livraisons in-f°. de planches. 250 r.

Oeuvres complètes de Chateaubriand. édition imprimée sur deux colonnes. 5 gros vol. in-8°. br. — 70 r.

Description géographique de la Turquie d'Europe. in-8°. br. — 5 r.

Histoire de Napoléon d'après lui-même, par Gallois in-8°. fig. br. — 12 r.

Paris ; port de mer. in-8°. br. — 2 r.

Dictionnaire du bonheur, par Mad. Perié Candeille in-8°. br. — 11 r.

Histoire de Flandre, par Jules Van Prach. 2 vol. in-8° br. — 9 r.

Du commerce maritime par Vaublanc. in-8°. br. — 4 r.

Traité du pied considéré dans les animaux domestiques, par Girard. in-8°. planches. br. — 8 r.

Annales de l'école française des beaux-arts, *première année* 1827. in-8°. planches. br. — 24 r.

Traité de la ferrure sans contrainte, ou moyen de ferrer les chevaux les plus vicieux. in-8°. figures. br. 3 r. 50 c.

Chimie des gens du monde, par Parkes, ouvrage traduit par Riffault. 2 vol. in-8°. br. — 14 r.

Annales agricoles de Roville, par Math. de Dombasle. 1827—1828. 1 vol. in-8°. br. — 11 r.

Le Barde des Vosges, recueil de poésies par Pellet d'Epinal. in-8°. br. — 5 r.

La sténographie mise à la portée de tout le monde. in-8°. br. — 4 r.

La science de la sétifère, ou l'art de produire la soie, par A. Pitaro. in-8°. fig. br. — 15 r.

Essais sur la construction des routes, des ponts suspendus, des barrages. etc., par Cordier. 2 vol. in-8°. et atlas grand in-f°. — 60 r.

Itinéraire de Tiflis à Constantinople, par le colonel Rottiers. 1 vol. in-8°. cartes. br. — 8 r.

Bibliothèque médicale, nationale et étrangère, année 1828. 20 numéros. in- 8°. br. — 20 r.

Nouveau dictionnaire des rimes, par Lemare. in-8°. br. 10 r.

Dictionnaire de musique moderne, par Castil Blaze. in-8°. br. — 7 r.

Leçons de littérature hollandaise, traduites en français avec le texte en regard, par Raoul. in-8°. br. — 7 r.

De l'irritation et de la folie, par Broussais. in-8°. br. — 8 r.

Forces productives et commerciales de la France, par Charles Dupin, ouvrage accompagné de 2 cartes de la France. 2 vol. in-8°. br. — 26 r.

Nouveau dictionnaire des origines, inventions et découvertes dans les arts, les sciences, la géographie, le commerce, l'agriculture. etc., par Noël et Carpentier. 2 vol. in-8°. br. — 22 r.

Eclectisme, ou premiers principes de philosophie générale par de Reiffenberg. 5 parties in-8°. br. — 8 r.

Traité des hernies inquinales dans le cheval et autres monodactyles ; par Girard. in- 4°. fig. br. — 22 r.

Traité de la coupe des pierres, par Vallée. 2 parties in-4°. br. — 8 r.

Grammaire de la langue grecque, par Gerfaux. in-4° br. 7 r.

Contes à mes petites amies, ou trois mois en Touraine, par Bouilly. 2 vol. in-12. fig. br. — 10 r.

La seconde partie renfermant les nouveaux contes. — 5 r.

Conseils à un jeune officier, par un ancien colonel d'infanterie in-12. — br. 5 r.

Analyse critique et littéraire de l'Énéide par Magnier. 2 vol. in-12. br. — 12 r.

L'art d'économiser le bois de chauffage et tous les autres combustibles. in-12. br. — 2 r. 50 c.

Une famille, ouvrage à l'usage de la jeunesse, suivi de nouveaux contes, par Mad. Guizot. 2 vol. in-12. fig. br. — 8 r.

Christianisme et philosophie, discours sur la Cène ; par de la Motte. in-18. br. — 2 r.

Comédies historiques, par le conte de Rœderer. in-18. br. 4 r.

Code conjugal, contenant l'art de se bien marier et d'être heureux en ménage, par Raisson. in-18. fig. br. — 3 r. 50 c.

Le Lavater des tempéramens et des constitutions ; par Morel de Rubempré in-18. br. — 2 r. 50 c.

Jeanne d'Arc, épisode historique, par le comte de Ségur. in-18. br. — 2 r. 50 c.

Du perfectionnement moral, ou de l'éducation de soi-même, par Degerando. nouv. édit. 2 vol. in-18. br. — 7 r.

Le visiteur du pauvre, par Degerando. nouv. édit. in-18. br.— 3 r. 50 c.

Napoléon en Egypte, poëme par Barthélemy et Mery. in-18. br. — 2 r. 50 c.

Choix de chansons pour noces, fêtes etc. in-32. br. — 4 r.

L'art de doser les médicamens, tant anciens que nouveaux, par Bricheteau, Chevallier et Cottereau. in-18. br.— 7 r. 50 c.

Théâtre de Clara Gazal, par Prosper Mérimé in-18. br. — 4 r.

Avis au peuple sur les premiers secours à donner dans les cas pressans. in-32. br. — 80 c.

Notions sur la justice; le droit et les lois, par Dupin. in-18. br. — 2 r. 50 c.

Poésies nouvelles, par Pierquin de Gembloux. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Code épicurien pour l'année 1829, choix de chansons de table. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Le citateur dramatique, par Léonard Gallois, 4e éd. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Nouveau code des femmes. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Agenda moral des enfans, ou moyens d'embellir la vie, par Abel Dufresne. in-18. br. — 3 r. 50 c.

Traité de prononciation grecque-moderne. in-12. br. — 3 r.

Art de blanchir et de nettoyer le linge, par les procédés ordinaires et au moyen de la vapeur. in-12. br. — 3 r.

La Bataille de Navarin, par Mocke. in-12. br. — 3 r. 50 c.

Souvenirs polytechniques, ou recueil d'observations, mémoires et projets, concernant la navigation, les bacs, etc., par Goury. 3 vol. in-4°. et 2 atlas in-f°. — 115 r.

Atlas historique et chronologique des littératures anciennes et modernes, des sciences et des arts. Sur le plan de celui de Lesage, par Jarry de Mancy. 25 tableaux. in-f°. — 100 r.

Atlas commercial, ou exposition méthodique du droit-commercial, par Franklin. in-f°. — 32 r.

Description d'un nouveau système d'arcs pour les grandes charpentes, par Emy. in-f°. — 20 r.

L'art de dessiner le paysage d'après nature; lithographié par un artiste anglais, 10 cahiers, in-4°. — 45 r.

Application de la perspective linéaire aux arts du dessin par Thibault. in-4°. fig. br. — 75 r.

Grande collection de tragédies, comédies, opéras, vaudevilles, drames etc., in-32. br. à 84 c.

Le cabinet de lecture s'est enrichi de toutes les dernières nouveautés en Romans, Mémoires etc. etc., dont le catalogue paraîtra incessamment.